В. Ирвинг и Эдгар По

РАССКАЗЫ

„ЗЛАТОУСТ“
Русское Зарубежное Издательство
Мюнхен

Вашингтон Ирвинг

ТАИНСТВЕННЫЙ КЛАД ИЛИ ЗАВЕЩАНИЕ МАВРА

Эдгар По

ДВОЙНОЕ УБИЙСТВО В УЛИЦЕ МОРГ

УКРАДЕННОЕ ПИСЬМО

„ЗЛАТОУСТ“
РУССКОЕ ЗАРУБЕЖНОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
МЮНХЕН - ШЛЯЙСГЕЙМ

1947.

Вашингтон Ирвинг

Таинственный клад или завещание мавра

Перевод с английского

В стенах крепости Альгамбры, перед королевским дворцом, лежит широкая эспланада, называемая Площадью Колодцев. Так названа она потому, что под ней находятся подземные водоемы, скрытые от глаз, сохранившиеся еще со времен владычества мавров.

В одном углу этой эспланады стоит мавританский колодец, пробитый сквозь сплошную скалу до громадной глубины; вода его холодна, как лед и чиста, как хрусталь. Колодцы, оставшиеся от времен владычества мавров пользуются в Испании большим почетом, так как всем известно, сколько трудов вкладывалось маврами, чтобы достичь самых чистых и сладких ключей и подземных источников. Колодец, о котором мы упомянули сейчас, славится на всю Гренаду, так что водоносы, кто — с большим кувшином на плече, кто — подгоняя ослика, нагруженного глиняными сосудами, спускаются и поднимаются по крутым, тенистым аллеям Альгамбры непрерывно в течение всего дня от самого рассвета и до поздней ночи.

Источники и колодцы с давних пор известны, как места сборищ в жарких краях. Так и у колодца, о котором идет речь весь день-деньской судачат инвалиды, старухи и прочий праздный люд, они сидят здесь на каменных лавках под широким полотнищем, которое натянуто здесь над колодцем, чтобы защитить от жарких лучей солнца сборщика налога, и толкуют о местных сплетнях, расспрашивая каждого нового водоноса о городских новостях и обсуждая подробно все, что случилось им услышать или увидеть.

В любой час дня можно застать тут неспешащих хозяек и ленивых служанок, которые не торопятся домой, хотя кувшины у них в руках или на голове уже наполнены, чтобы услышать последние новости из этих бесконечных пересудов.

Среди водоносов, приходивших за водой к колодцу был коренастый, широкоплечий, кривоногий малый, по имени Педро Хил, которого для краткости звали Перихилом. Как и всякий водонос, он был, разумеется, гальего, т. е. уроженцем Галисии. В Испании все

водоносы и грузчики — коренастые, низкорослые уроженцы Галисии. Поэтому, никто там не скажет: „позови носильщика“, а всякий скажет: „позови гальего“.

Так вот этот самый гальего Перихил начал свое дело только с одним глиняным кувшином, который он таскал на плече; мало-помалу он подкопил деньжат и купил себе помощника — выносливого мохнатого ослика. По обоим бокам этого длинноухого помощника повешены были кувшины, покрытые для защиты от солнца фиговыми листьями.

Во всей Гренаде не было водоноса прилежнее и веселее. Улицы звенели от его голоса, когда он, идя за своим ослом выкликал нараспев слова, которые в летнюю пору раздаются во всех испанских городах: „Кто хочет воды холоднее снега? Кому воды из колодцев Альгамбры, холодной, как лед, чистой, как хрусталь?“ Когда подавал он покупателю искрящийся стакан воды, у него всегда находилось приветливое словечко, на которое нельзя было не ответить улыбкой, а если это была пригожая дама или прелестная девица, он подавал свой стакан с лукавой улыбкой и комплиментом ее красоте, перед которым никак нельзя было устоять. Потому-то и слыл гальего Перихил самым учтивым во всей Гренаде, самым приятным из водоносов.

Однако, звонкие песни и шутки не всегда означают, что у человека на сердце легко. Под веселой внешностью честный Перихил скрывал в душе не мало забот и печалей. Ему нужно было прокормить большую семью оборванных ребятишек, вечно голодных и шумливых, как выводок маленьких ласточек. Едва возвращался он вечером домой, как они встречали его громким щебетаньем, требуя пищи. Была у него и подруга жизни, которая меньше всего годилась ему, как помощница. До замужества была она деревенской красавицей и славилась тем, что мастерски танцевала болеро, щелкая кастаньетами. Выйдя замуж за Перихила она сохранила свои прежние привычки и легко тратила на тряпки деньги, с таким трудом зарабатываемые честным Перихилом. Она отнимала у мужа даже ослика, чтобы ездить на сельские гулянья по воскресеньям и по дням святых и во все бесчисленные праздники, которых в Испании куда больше, чем будничных дней. Потом же она была неряхой, лентяйкой и большой сплетницей, она готова была пренебречь и делом, и хозяйством, и всем на свете, чтобы только посудачить да посплетничать с соседками.

Перихил безропотно сносил тяготы, которыми наделяли его жена и дети, с такой же кротостью, с какой его осел носил тяжелые кувшины: и если он иногда наедине и думал о своей горькой судьбе, то во всяком случае никогда никто не слышал от него слова жалобы.

Он любил своих детей, видя в них размноженным и увековеченным свой собственный образ; ибо все они были такие же коренастые, широкоплечие и кривоногие, как он. Лучшим удовольствием было для него, если выдавался свободный денек, а в кармане заводилась лишняя горсть мараведисов, взять с собой весь свой выводок и отправиться с ним бродить по садам и рощам, тогда как его женушка отплясывала болеро со своими воскресными друзьями где-нибудь в Ангостуррасе или Дарро.

Как-то летом, поздно вечером, почти все водоносы прекратили свою работу. День был необыкновенно зноен, и на смену ему пришла одна из тех восхитительных лунных ночей, которые призы-

вают жителей этих южных краев вознаградить себя за дневную жару и вынужденное бездействие: народ и после полуночи медлит возвращаться домой, слоняется под открытым небом, наслаждаясь мягкой прохладой. Вот почему не разошлись еще по домам покупатели воды. В этот вечер Перихил, как заботливый, трудолюбивый отец, подумал о своих голодных ребятах.

„Схожу я еще разок к колодцу, вот и заработаю на воскресное пучеро для малышей", сказал он себе.

С таким намерением он мужественно побрел вверх по крутым аллеям Альгамбры, распевая на ходу и постукивая дубинкой по бокам своего осла — иной раз просто в такт песне, а иной раз, чтобы подбодрить животное. Ибо, как хорошо известно, в Испании добрые тумаки вполне заменяют фураж для всех вьючных животных.

Когда он добрался до колодца, там никого уже не было, кроме одинокого путника в мавританской одежде, сидевшего на каменной лавке в лунном свете.

Перихил остановился, удивленно взглянул на него не без страха; но мавр тихим голосом подозвал его.

— Я слаб и болен, — сказал он, — помоги мне вернуться в город, и я заплачу тебе вдвое больше, чем выручил бы ты за свои кувшины воды.

Мольба незнакомца тронула состраданием честное сердце бедняка водоноса.

— Избави Бог, — сказал он, чтобы я спрашивал плату или награду за то, что велит мне сделать простой человеческий долг.

Он подсадил мавра на своего осла и тихим шагом направился в город; несчастный мусульманин был так слаб, что его приходилось поддерживать, иначе он свалился бы с ослика наземь.

Когда они вошли в Гренаду, водонос спросил мавра, куда его везти.

— Увы, — с трудом вымолвил мавр, — у меня нет здесь ни дома, ни жилья, ни знакомых; я чужеземец в этой стране. Позволь мне преклонить голову этой ночью под твоим кровом, и ты будешь щедро вознагражден.

Так нежданно-негаданно на шею честному Перихилу свалился гость, да еще неверный, мусульманин. Однако водонос был слишком добр, чтобы отказать в ночлеге человеку, попавшему в такую беду, и повез мавра к себе домой. Ребятишки, заслышав топот осла, выпорхнули по своему обыкновению навстречу отцу с раскрытыми ртами, но когда увидели незнакомца в тюрбане, в испуге кинулись назад и спрятались за матерью. Мать же, увидя гостя, бестрепетно шагнула вперед, как разъяренная наседка, защищающая свой выводок цыплят от бродячей собаки.

— Что это за неверного привел ты к нам, — вскричала она,— да еще в такой поздний час! Ты хочешь навлечь на нас гнев святой инквизиции?

— Успокойся, жена, — отвечал гальего, — это бедный больной чужеземец, у которого нет тут в городе ни жилья ни друзей; неужели же ты захочешь выгнать его, чтобы он погиб на улице?

Жена продолжала отчитывать водоноса, так как она была очень щепетильна к чести своего дома, хотя дом этот и был жалкой лачугой, однако на этот раз маленький водонос заупрямился и, против обыкновения, отказался подчиниться ее воле. Он помог бедняге — мусульманину сойти с осла и разостлал для него на земле,

в самом прохладном уголке дома, цыновку и овчины — единственное ложе, которое он мог предоставить гостю вследствие своей нищеты.

Немного спустя у мавра начались сильные судороги, с которыми ничего не мог поделать наш водонос. Несчастный пациент оценил всю сердечность и его доброту. В промежутке между приступами болезни, он подозвал гальего к себе и сказал ему тихим голосом:

— Боюсь, что кончина моя близка. Если я умру, возьми в награду за милосердие этот ящичек, я завещаю его тебе.

С этими словами мавр распахнул свой плащ и показал водоносу небольшую шкатулку сандалового дерева, привязанную у него прямо на теле.

— Благослови тебя Бог, мой друг, — ответил славный маленький гальего, — дай Бог, чтобы ты жил много лет и чтобы это сокровище пошло тебе на пользу, каково бы оно ни было.

Мавр покачал головой. Он положил руку на шкатулку и хотел еще что-то сказать нашему водоносу, но судороги схватили больного с новой силой, и немного спустя мавр скончался.

Тут жена водоноса совсем вышла из себя.

— Вот видишь, — сказала она, — к чему привела теперь твоя дурацкая доброта! Ну, что теперь будет с нами, если в нашем доме найдут это мертвое тело? Нас заключат в тюрьму, как убийц, а если мы и останемся живы, то нас разорят суды и альгвасилы.

Бедняга Перихил также не на шутку смутился, ища выхода из создавшегося положения и почти раскаивался в том, что сделал доброе дело. Потом вдруг его осенила мысль.

— Еще не рассветало, — сказал он, — я могу вывезти мертвое тело за город и похоронить его в песке на берегу Ксениля. Никто не видел, как мавр зашел в наш дом и никто не узнает о его смерти.

Сказано — сделано. Жена помогла ему: они завернули тело несчастного мусульманина в цыновку, на которой он умер, взвалили на осла и Перихил повез его к берегу реки.

На беду, против водоноса, по другую сторону переулка, жил цырюльник, по имени Педрильо Педруго — самый любопытный, болтливый и зловредный из всего болтливого племени брадобреев. Похожий лицом на хорька, с паучьими ногами, льстивый и вкрадчивый, все дела своих ближних знал он до тонкостей — сам знаменитый „севильский цырюльник“ не мог бы состязаться с ним в этом. Что же касается по части сохранения чужих секретов, то это было чистое решето. Про него говорили, что он и во сне никогда не закроет сразу обоих глаз и одно ухо всегда оставляет открытым, чтобы видеть и слышать, что происходит вокруг. И, правда, он был чем-то вроде скандальной хроники для всех жителей Гренады, охочих до новостей, и потому клиентов у него было куда больше, чем у всех других его собратьев.

И вот этот пронырливый цырюльник услыхал, как Перихил возвратился домой в неурочный, поздний час ночи; услыхал и восклицание и его жены и детей. Голова цырюльника тотчас же высунулась из окошечка, и он увидел, что сосед вводит к себе в дом человека в мавританской одежде. Это был такой необыкновенный случай, что Педрильо Педруго глаз не сомкнул всю ночь. Каждые пять минут подходил он к окошку и глядел на свет, пробивавшийся

сквозь щели в дверях соседа; а перед рассветом он увидел, как Перихил вышел из дому с тяжело нагруженным ослом.

Любознательный брадобрей всполошился; он наскоро оделся и украдкой, держась поодаль, последовал за водоносом. Он увидел, как тот вырыл яму в береговом песке Ксениля и схоронил в ней что-то, похожее на мертвое тело.

Брадобрей поспешил домой и до рассвета метался на своей лавке сам не свой от волнения. Потом сунул подмышку свой таз и пустился к дому своего ежедневного клиента — алькальда.

Алькальд только что встал. Педрильо Педруго усадил его в кресло, повязал ему шею салфеткой, подставил ему под подбородок таз с горячей водой и принялся растирать ему пальцами бороду.

— Ну и дела! — сказал Педруго, исполнявши одновременно обязанности брадобрея и глашатая новостей. — Ну и дела! Грабеж и убийство, и похороны — все в одну ночь!

— Э? Как? Что ты говоришь? — воскликнул алькальд.

— Я говорю, — отвечал брадобрей, натирая куском мыла нос и рот правителя, ибо испанский цырюльник пренебрегает употреблением кисти, — я говорю, что гальего Перихил ограбил и убил мусульманина-мавра и похоронил его не далее, как сегодня ночью.

— Но откуда ты это узнал? — спросил алькальд.

— Немножко терпения, сеньор, и вы услышите все, — ответствовал Педрильо, беря его за нос и принимаясь скоблить ему щеку бритвой.

Тут он рассказал алькальду все, что видел, не переставая в то же время брить ему бороду, мыть подбородок и вытирать его насухо грязной салфеткой.

Случилось так, что алькальд этот был самым отъявленным, жадным и порочным скрягой во всей Гренаде. Нельзя сказать, однако, чтобы он не ценил правосудия, ибо торговал он им на вес золота. Он решил, что тут имело место убийство и ограбление; значит тут должна быть богатая добыча. Но как сделать, чтобы эта добыча перешла в законные руки властей?! Если будет схвачен один лишь преступник, виселица получит свое и только. Но если захватить и добычу — она достанется судье; в этом алькальд и видел конечную цель правосудия. Соображая таким образом, он приказал позвать к себе самого верного своего альгвасила — долговязого, тощего малого, одетого, согласно своему сану, в старинный испанский наряд: черную касторовую шляпу с широкими, загнутыми кверху полями, старомодные брыжжи, короткий черный плащ внакидку и бурый камзол, плотно облегавший его костлявую, жилистую фигуру; в руке у него был гибкий белый жезл — грозный символ его власти. Такую-то ищейку старой испанской породы пустил алькальд по следам злополучного водоноса! И у этого альгвасила была такая уверенная хватка, что он сцапал беднягу Перихила раньше, чем тот даже успел возвратиться в свою лачугу, и представил его вместе с ослом пред грозные очи вершителя правосудия.

Алькальд встретил Перихила страшным леденящим взглядом.

— Слышишь, злодей! — загремел он голосом, от которого подогнулись и задрожали коленки у маленького гальего. — Слышишь, злодей! Тебе нечего отпираться — мне все известно! За свое преступление ты заслуживаешь виселицы. Но я милосердный и всегда готов слушаться доводов разума. Человек, убитый в твоем доме, был мавром, язычником, врагом нашей веры. Надо полагать, что ты убил его в порыве религиозного рвения. Поэтому, я окажу тебе

снисхождение: верни мне все, что ты награбил у него, и мы замнем это дело.

Бедный водонос, призывал всех святых в свидетели своей невинности. После всех страшных угроз алькальда бедный гальего, со всем прямодушием и правдивостью, рассказал о своей встрече с умирающим мавром. Но все — увы — было тщетно.

— Значит ты упорствуешь в том — сказал судья, — что у этого мусульманина не было ни золота, ни драгоценностей, которые разожгли твою алчность?

— Клянусь моим спасением, ваша милость, — отвечал водонос, — у него не было ничего, кроме маленького ящичка сандалового дерева, который он завещал мне за мою услугу.

— Ящичек сандалового дерева, говоришь ты? Сандалового дерева?! вскричал алькальд, и глаза его загорелись при мысли о драгоценных камнях. — Где же этот ящичек? Куда спрятал ты его?

— Если угодно вашей милости, — ответил водонос, — он в одной из корзин на моем осле, и я с радостью отдам его вам.

Едва он успел вымолвить эти слова, как дошлый альгвасил ринулся прочь и через мгновенье появился опять с таинственным маленьким ящичком сандалового дерева в руках.

Алькальд открыл его жадной дрожащей рукой; все подались вперед, чтобы взглянуть на сокровища, которые в нем ожидали найти; но, однако, к великому их разочарованию, в шкатулке не оказалось ничего кроме пергаментного свитка, покрытого арабскими письменами и огарка восковой свечи.

Если нет никакой корысти в осуждении заключенного, правосудие, даже в Испании, склонно быть беспристрастным. Справившись после тяжелого разочарования и убедившись в том, что в этом деле действительно нечем поживиться, алькальд равнодушно выслушал объяснения водоноса, которые были подтверждены свидетельством его жены. После этого, уверенный в его невинности, алькальд освободил гальего из-под ареста, и больше того: он разрешил ему взять с собой наследство мавра — шкатулку сандалового дерева со всем содержанием, как заслуженную награду за доброе дело; однако осла Перихила он задержал в уплату проторь и убытков по ведению дела.

Снова злосчастный маленький гальего был вынужден превратиться во вьючную скотину и таскаться вверх по крутой дороге, к колодцу Альгамбры, с большим глиняным кувшином на плече.

Когда брел он вгору, в знойный летний полдень, обычное доброе расположение духа покинуло его.

— Что за пес этот алькальд! — бранился он, — отобрать у бедняка единственное средство пропитания семьи и лучшего друга и помощника, какой был у него на целом свете!

Тут при воспоминании о любимом животном, вся нежность хлынула у него наружу.

— Ослик сердца моего! — воскликнул он, опустив свою ношу на камень и отирая струившийся со лба пот. — Бедный, бедный мой ослик! Ты верно тоскуешь по своему старому хозяину! Ты, верно, скучаешь по кувшинам с водой, несчастное творение!

Вдобавок ко всем огорчениям, когда он возвратился домой, жена встретила его укорами и упреками; у нее было то преимущество, что она предостерегала его в свое время от этого безрассудного гостеприимства, которое навлекло на него столько несчастий; и как женщина опытная в этом, она не упускала ни одного случая,

чтобы не уколоть его напоминанием о своем превосходстве. Если детям нечего было есть или им нужно было новое платье, она отвечала им с насмешкой:

— Спросите у отца, он ведь наследник мавра. Пусть пошарит в своем сундуке. Слыханное ли дело, чтобы такая тяжелая кара постигла смертного за то, что он сделал доброе дело? Несчастный Перихил страдал и телом и душой, но с обычной кротостью сносил все упреки и насмешки своей супруги. В конце концов, как-то вечером, после жаркого трудового дня, когда жена его, по обыкновению своему, принялась насмехаться над ним, у него лопнуло терпение.

Он не посмел ей перечить, но взгляд его упал на шкатулку сандалового дерева, которая лежала на полке с приоткрытой крышкой, точно потешаясь над его мучениями. Схватив шкатулку, он с возмущением швырнул ее на пол.

— Пусть будет проклят тот день, когда я увидел тебя, — крикнул он, — проклят тот день, когда я приютил твоего хозяина под этой кровлей!

Когда шкатулка стукнулась об пол, крышка открылась, и пергаментный свиток выкатился наружу. Некоторое время Перихил разглядывал свиток в задумчивом молчании. Потом собравшись с мыслями он подумал: „Кто знает, может быть и есть какой-нибудь толк в этих письменах, иначе разве хранил бы их мавр так бережно?“ Рассудив так, он подобрал ящичек и спрятал его за пазуху.

А на другое утро, разнося по улицам воду, он остановился у лавки мавра, который родом был из Танжера и торговал безделушками и парфюмерией, и попросил его объяснить, что написано на свитке.

Мавр внимательно прочитал свиток, погладил бороду и усмехнулся.

— Эта рукопись, — сказал он, — особого рода заклинание, при помощи которого можно овладеть зачарованным сокровищем. Тут сказано, что заклятие это обладает волшебной силой, перед которой раскроются самые крепкие запоры и засовы, — и даже адамантовые скалы рассыплются в прах!

— Э! — воскликнул маленький гальего, — к чему мне это? Я не волшебник и ничего не понимаю в скрытых кладах.

С этими словами, взгромоздив свой кувшин на плечо, он оставил свиток в руках мавра и поплелся дальше — разносить свою воду.

Однако, вечером, когда он отдыхал у колодца Альгамбры, там собралось несколько болтунов, и речь у них зашла, как часто случается в этот сумеречный час, о старинных поверьях и о сверхъестественных чудесах. С особенным удовольствием смаковали сплетники преданья о зачарованных кладах, оставленных маврами во многих уголках Альгамбры. И все сходились на том, что великие сокровища схоронены глубоко в земле под башней в семи подземельях.

Эти рассказы произвели небывалое глубокое впечатление на честного Перихила, и все глубже и глубже западали ему в мысли, когда он возвращался домой по темнеющим аллеям.

— А что, если в самом деле под башней Альгамбры скрыты сокровища, и, если свиток, который я оставил у мавра, поможет мне добыть их?

Эта мысль привела его в такой восторг, что он едва не уронил свой кувшин.

Всю ночь он ворочался и метался и почти не сомкнул глаз, — так вскружили ему голову эти мысли. Чуть светом он схватился и отправился в лавку мавра и рассказал тому все, что у него было на уме.

— Ты умеешь читать по-арабски, — сказал он. — Давай вместе пойдем к башне и попробуем насколько сильно заклятие; если оно обманет, мы ничего не потеряем; а если нам будет удача, мы разделим поровну все сокровища, какие найдем.

— Погоди, — сказал мусульманин, — дело тут не только в свитке. Его нужно прочесть ровно в полночь при свете огарка, изготовленного особым способом, из особых веществ, которых нам не достать. Без такого огарка не будет от свитка никакого толку.

— Ни слова больше! — вскричал маленький гальего. — У меня есть такой огарок, и я принесу его мигом.

Он поспешил домой и скоро воротился с желтым восковым огарком, который нашел в шкатулке сандалового дерева.

Мавр ощупал огарок и понюхал его.

— Огарок этот сделан из редких драгоценных благовоний и желтого воска, — сказал он. — Именно такой огарок и описан в свитке. Пока он будет гореть, самые крепкие стены и самые сокровенные пещеры будут открыты для нас. Но горе тому, кто замешкается там после того, как догорит огарок! Он останется в подземельи, зачарованный вместе с сокровищами.

Они сговорились, что испытают заклятие в ту же ночь. И вот, в поздний час, когда все кругом уснуло, кроме летучих мышей и сов, они взошли на поросший лесом холм Альгамбры и приблизились к этой ужасной башне, скрытой за деревьями и прославленной столькими страшными поверьями.

При свете фонаря, они пробрались сквозь кусты, через упавшие камни, к дверям, которые вели в подземелья башни. Со страхом и трепетом они спустились по ступенькам, высеченным в скале, и очутились в пустой комнате, сырой и мрачной; новый пролет ступеней вел отсюда в подземелье, расположенное внизу первого. Так спустились они на четыре пролета, и в конце каждого пролета был склеп.

Но в последнем склепе пол был сплошным; и, хотя, по преданью, еще оставалось три подземелья внизу, но, как говорили, дальше проникнуть было невозможно, ибо проход был заколдован.

В этом четвертом склепе воздух был сырой и холодный. Тут пахло глиной, и фонарь едва изливал свой свет на влажные стены. Здесь наши посетители замерли и ждали, затаив дыхание, пока не донесся с дворовой башни слабый, едва слышный бой часов; часы пробили полночь, и они зажгли восковой огарок, который распространял аромат мирры, ладана и стиракса.

Мавр принялся торопливо читать пергаментный свиток. Едва он закончил чтение, как раздался шум, как бы от подземного грома. Земля дрогнула, пол разверзся, открыв новый пролет ступеней. Дрожа от страха они спустились вниз и при свете фонаря увидели новое подземелье, стены которого были покрыты арабскими надписями. Посредине стоял громадный сундук, окованный семью полосами стали. И справа и слева от сундука сидело по зачарованному мавру в доспехах; мавры были неподвижны, как статуи, так как находились под властью волшебных чар. Перед сундуком стояло несколько кувшинов, наполненных золотом, серебром и драгоценными камнями.

В самый большой из этих кувшинов водонос с мавром погрузили руки по локоть, и каждый раз, зачерпнув, выгребали оттуда пригоршни больших желтых монет мавританского золота и браслеты и другие украшения из того же драгоценного металла, а иной раз на пальцах у них повисало ожерелье из крупного восточного жемчуга. Все же они трепетали и едва переводили дух, набивая карманы добычей и все время с опаской поглядывали на двух зачарованных мавров, которые сидели угрюмые и неподвижные, уставившись на них немигающими глазами. Вдруг почудился им какой-то шум, и, охваченные паникой, они сразу ринулись вверх по лестнице, сшибая друг друга, выбежали в верхнюю камеру, уронили и погасили восковой огарок, и пол снова закрылся с громовым грохотом.

Полные ужаса, они не остановились, пока не выбрались из башни и не увидели звезд, сиявших сквозь ветви деревьев. Тогда усевшись на траву, они разделили добычу, решив, что на этот раз удовольствуются сливками, которые сняли с кувшинов, но в одну из ближайших ночей вернутся сюда снова и опорожнят кувшины до дна.

Чтобы не было у них сомнений друг в друге, они разделили между собой и талисманы: у одного остался свиток, а у другого — огарок. Затем с легким сердцем и туго набитыми карманами они двинулись к Гренаде.

Когда они спускались с холма, проницательный мавр шепнул на ухо простаку-водоносу:

— Друг Перихил, все это дело нужно держать в глубокой тайне, пока мы не вызволим сокровище и не препроводим его в безопасное место. Если слух о сокровищах дойдет до ушей алькальда, мы пропали!

— Разумеется, — отвечал гальего, — ты совершенно прав.

— Друг Перихил, — сказал мавр, ты человек осмотрительный и, разумеется, сумеешь сохранить тайну. Но у тебя есть жена!

— Я не скажу ей об этом ни словечка, — решительно ответил маленький водонос.

— Ладно, — сказал мавр, — я полагаюсь на твою сдержанность и на твое обещание.

Никто еще не давал обещания с большей искренностью и убеждением. Но, увы! Какой муж способен сохранить тайну от своей жены? Уж, конечно, это было не под силу Перихилу — водоносу, самому покладистому и любящему из мужей. Когда он вернулся домой, жена его сидела в углу и скучала.

— Отлично! — вскричала она, — едва он вошел. Наконец-то ты явился! Где это ты шатался до поздней ночи? Удивительно еще, что ты не привел с собой нового мавра!

Потом, разрыдавшись, она стала ломать руки и бить себя в грудь.

— Несчастная я женщина, — восклицала она, — Что только будет со мной? Альгвасилы и судьи обирают мой дом. Муж мой — бездельник и чем приносить семье хлеб, шатается день и ночь с неверными маврами. О, дети мои, дети! Что будет с нами? Мы пойдем на улицу с протянутой рукой!

Честный Перихил так был тронут отчаянием супруги, что не мог перенести спокойно этих причитаний. Сердце его было также полно, как и карман, — он не мог удержаться.

Запустив руку в карман, он вытащил оттуда три или четыре большие золотые монеты и сунул их ей за пазуху. Бедная женщина глядела, оторопев, и не могла взять в толк, что означает этот золотой ливень.

Прежде, чем она оправилась от изумления, маленький гальего вытащил золотую цепь и стал ею бряцать перед глазами жены, сам не свой от восторга, улыбаясь так, что рот расплылся у него до ушей.

— Спаси нас, Святая Дева! — воскликнула жена. — Что сделал ты Перихил? Ты, надеюсь, никого не убил и не ограбил?

Едва эта мысль пришла на ум бедной женщине, как тотчас же превратилась в уверенность. Она уже увидела впереди тюрьму и виселицу, и маленького кривоногого гальего повешенного на ней; объятая ужасом она плакала навзрыд.

Что было делать ее бедному мужу? Ничем не мог он успокоить жену и развеять страхи, созданные ее воображением. Единственное, что оставалось ему, — это рассказать ей всю историю своей удачи.

Однако, прежде, чем сделать это, он взял с нее торжественное обещание держать все в глубочайшей тайне.

Невозможно было бы описать всю ее радость. Она кинулась к мужу на шею и едва не задушила его своими ласками.

— Ну, жена, — воскликнул в упоении маленький водонос, — что скажешь ты теперь о наследстве мавра? Впредь не брани меня, если мне случится помочь ближнему в беде.

Честный гальего завалился на свои овчины и заснул так крепко, будто бы он спал на пуховой постели. Что касается жены его, то она вытряхнула все содержимое его карманов на цыновку и просидела всю ночь напролет, пересчитывая золотые монеты арабской чеканки, примеряя ожерелья и серьги и воображая, как будет она выглядеть когда-нибудь, когда ей будет дозволено наряжаться во все эти драгоценности.

На другой день утром наш гальего взял тяжелую золотую цепь и отправился с нею в лавку ювелира, чтобы продать ее; он объяснил, что нашел ее среди развалин Альгамбры. Ювелир увидел, что на этой цепи арабская надпись и что она из самого чистого золота, он предложил за нее только треть ее стоимости, но водонос и этим был вполне доволен. Перихил тут же накупил для всего своего выводка обновок и всяких игрушек и вволю припасов для сытой еды. А когда он воротился в свою лачугу — все ребята закружились вокруг него в хороводе, а сам он плясал в середине, счастливейший из отцов.

Жена же водоноса с поразительной твердостью держала свое слово. Целых полтора дня ходила она с загадочным видом и с сердцем, готовым вот-вот разорваться, но не поделилась с соседними кумушками ни единым словечком. Правда, как было ей не почваниться немножко, не посмеяться над своим рваным платьем и не похвастать на счет того, что она заказала себе новую баскинью, расшитую золотым позументом и стеклярусом и новую кружевную мантилью? Она намекнула, что муж ее собирается бросить ремесло водоноса, потому что оно не так уж полезно для его здоровья. Да и вообще они думают на лето уехать в деревню, чтобы дети попользовались горным воздухом, — потому что, какое же это житье в городе в жаркое время года?

Соседки переглядывались между собой и думали, что бедняжка рехнулась, и стоило ей отвернуться, чтобы друзья ее принялись потешаться и подшучивать над ее спесью и похвальбой.

Однако, если она сдерживалась на людях, то вполне вознаграждала себя за это дома. Надев ожерелье из роскошного восточного жемчуга на шею, и мавританские браслеты на руки, и султан с бриллиантами на голову, она прохаживалась по комнате взад и вперед в своих грязных отрепьях, то и дело останавливаясь, чтобы полюбоваться собой в осколке разбитого зеркала.

А однажды в порыве наивного тщеславия, она не утерпела и покрасовалась перед окном, чтобы посмотреть, какое впечатление произведет ее наряд на прохожих.

Судьбе угодно было, чтобы Педрильо Педруго, пронырливый брадобрей, как раз в это мгновение сидел без всякого дела в своей лавке по ту сторону улицы и недреманное око его уловило сверканье бриллиантов. В один миг он уже был у своего оконца и впился глазами в неряшливую супругу водоноса, убранную с великолепием восточной невесты.

И едва составил он точный перечень ее украшений, как со всех ног помчался к алькальду.

Вскоре тощий альгвасил снова пустился, как ищейка по следу, и не успел еще кончиться день, как злосчастного Перихила снова поволокли к судье.

— Что означает это, негодяй? — яростно возопил алькальд. Ты сказал мне, что язычник, который умер в вашем доме, не оставил после себя ничего, кроме пустой шкатулки, а теперь мне донесли, что жена твоя щеголяет в лохмотьях, увешенных бриллиантами и жемчугами! Горе тебе! Отдавай сейчас же все, что ты награбил у своей несчастной жертвы и отправляйся на виселицу, которая уже давно плачет по тебе.

Объятый ужасом водонос упал на колени и поведал без утайки о том, каким чудесным образом добыл он свое богатство. Алькальд, альгвасил и любопытный брадобрей жадно внимали этой арабской сказке о зачарованном кладе. Затем альгвасил был послан за мавром, который читал заклятие. Мусульманин вошел, перепуганный до смерти тем, что попался в лапы гарпии правосудия. Взглянув на водоноса, стоявшего понуро, с отчаянием на лице, он сразу же понял в чем дело.

— Жалкая тварь, — сказал он, проходя мимо него, — не предупреждал я тебя разве, чтобы ты держал язык за зубами.

Рассказ мавра в точности совпал с рассказом его друга, но алькальд прикинулся, будто ничему не верит и грозил тюрьмой и строжайшим дознанием.

— Потише, сеньор алькальд, — сказал мусульманин, к которому вернулись уже его обычное лукавство и самообладание. — Не будем спорить о милостях судьбы, чтобы не лишиться их! Об этом деле, кроме нас, никто ничего не знает, — будем же держать это в тайне. В подземельи достаточно сокровищ, чтобы все мы стали богатыми. Обещай, что добыча будет поделена честно, и все будет наше. А нет, — подземелье останется закрытым навеки.

Алькальд с глазу на глаз посоветовался с альгвасилом. Альгвасил был опытной лисой и знатоком своего дела.

— Обещай им все, что угодно, — сказал он, — пока не завладеешь сокровищем. А после заберешь себе все. а если водонос и

его соучастник посмеют возражать, — пригрози им костром, как язычникам и колдунам.

Алькальд послушался умного совета. С просветлевшим лицом он обратился к мавру.

— Это странная история, — сказал он. — Возможно, это и правда, но мне нужно воочию убедиться, что все это так, как вы говорите. Сегодня же ночью вы повторите свое заклятие в моем присутствии. И если там в действительности окажется клад, мы разделим его между собой по-братски, и ни звука больше не будет сказано об этом деле; если же вы обманули меня, то не ждите пощады. Пока же вам придется остаться под стражей.

Мавр и водонос с радостью согласились на эти условия, уверенные в том, что события подтвердят истинность их слов.

Около полуночи алькальд в сопровождении альгвасила и любопытного брадобрея тайно выехал; все они были вооружены до зубов. Они вели мавра и водоноса, как пленников; взяли они с собой и дюжего осла Перихила, чтобы нагрузить на него сокровища, которые они предполагали найти.

Никем не замеченные достигли они башни, привязали там осла к фиговому дереву, а затем сошли в четвертое, самое нижнее подземелье башни.

Здесь достали свиток, зажгли свечу, и мавр прочитал заклинание. Земля содрогнулась, как и прежде, и пол разверзся с громовым грохотом, открыв узкий проход лестницы. Алькальд, альгвасил и брадобрей оцепенели от ужаса и не могли себя заставить спуститься вниз. Мавр с водоносом спустились в нижнее подземелье и очутились перед двумя маврами, которые сидели, как и прежде, безмолвные и неподвижные. Здесь они сдвинули с места громадные кувшины, наполненные золотыми монетами и драгоценными камнями. Водонос по одному вынес их на плече, но хотя и был он крепышем и привык перетаскивать тяжести, но шатался под тяжестью кувшинов. А потом, когда их повесили по бокам осла, то увидели, что и для выносливого животного это почти непосильная кладь.

— Пока этого хватит, — сказал мавр. — Тут столько сокровищ, что больше нам не увезти, иначе мы обратим на себя внимание. Для каждого из нас здесь достаточно богатства.

— А там еще остались сокровища? — спросил алькальд.

— Там остался большой сундук, — сказал мавр, — окованный полосами стали и наполненный жемчугом и драгоценными камнями.

— Во что бы то ни стало вытащим сюда этот сундук! — задыхаясь вскричал алькальд.

— Я больше не стану спускаться, — возразил мавр. — Для разумного человека достаточно, если он имеет много. Желать еще большего может только глупец.

— А я, — сказал водонос, — ничего больше не принесу, чтобы не проломать спины моему бедному ослу.

Убедившиеь, что все приказания, угрозы и просьбы бесплодны, алькальд обратился к своим двум спутникам.

— Помогите мне, — сказал он, — вытащить оттуда сундук, и мы разделим его содержание между собой.

С этими словами он стал спускаться вниз по ступенькам лестницы, а за ним неохотно и дрожа от страха последовали альгвасил и брадобрей.

Как только мавр увидел, что они скрылись в подземельи, он погасил огарок. Пол с обычным грохотом сдвинулся, закрыв проход, и вся доблестная тройка осталась схороненной в недрах земли,

Затем мавр пустился бежать вверх по лестницам и не останавливался, пока не очутился под открытым небом. Маленький водонос поспешил за ним, насколько позволяли ему его короткие ноги.

— Что мы сделали!? — вскричал Перихил, едва смог перевести дух. — Ведь алькальд и те двое остались запертыми в подземельи!

— Такова воля Аллаха! — благочестиво ответствовал мавр.

— Неужели же ты их не выпустишь, — спросил гальего,

— Упаси, Аллах! — ответил мавр, поглаживая бороду. — В книге судеб сказано, что они останутся там, зачарованные, пока новый счастливец не нарушит когда-либо заклятья. Да исполнится воля Аллаха!

С этими словами мавр забросил восковой огарок, как мог далеко в темную чащу деревьев.

Теперь ничем уж нельзя было помочь; и мавр и водонос направились к городу с тяжело нагруженным ослом; честный Перихил не мог удержаться, чтобы не ласкать и не целовать своего долгоухого помощника, спасенного из когтей правосудия. И трудно сказать, чему более радовался этот простодушный малый: тому ли, что добыл сокровище, тому ли, что снова обрел своего осла.

Два товарища по удаче дружески и честно поделили добычу, хотя мавр, который был охотником до всяких безделушек, норовил отложить в свою кучу большую часть жемчугов, драгоценнных камней и разных побрякушек; но при этом он каждый раз откладывал водоносу великолепные украшения литого золота, впятеро большей величины, — и водонос был этим вполне доволен.

Они не стали после этого оставаться долго в Гренаде, боясь, как бы чего не случилось, и покинули город, чтобы безо всякой помехи наслаждаться своим богатством в других краях.

Мавр возвратился в Африку в родной свой город Танжер, а гальего с женой, детьми и ослом поспешно направился в Португалию.

Здесь, следуя наставлениям своей жены, он сделался человеком видным, так как она принудила достойного водоноса обрядить свое длинное тело и короткие ноги в камзол и штаны в обтяжку; он стал носить перо на шляпе и меч при бедре. Отбросив свое простецкое провище „Перихил“, он стал именоваться более звучным титулом — дон Педро Хил. Потомство его подросло в благоденствии и весельи, коренастое и кривоногое. А сеньора Хил, с головы до пят в кружевах, бахроме и кистях, со сверкающими перстнями на каждом пальце, стала образцом неряшливой моды и пышности.

Что касается алькальда с его приближенными, — они остались запертыми под огромной башней с семью подземельями и там пребывают под властью чар и поныне.

Эдгар По

Двойное убийство в улице Морг

В 18.. году я провел весну и часть лета в Париже и там познакомился с господином Огюстом Дюпон. Этот молодой человек происходил из хорошей, можно даже сказать, известной семьи, однако, вследствие стечения ряда неблагоприятных обстоятельств, сильно обеднел, воля и мужество его сломились под ударами судьбы и он больше не заботился ни о восстановлении своего положения в свете, ни о приобретении вновь былого состояния. Его кредиторы великодушно оставили ему маленькую часть его отцовского состояния, он жил на проценты с него, крайне ограничивая себя. Он должен был отказывать себе во всем, кроме самого необходимого, и, книги, приобрести которые в Париже не трудно, были его единственной роскошью.

Мы встретились с ним впервые в маленькой книжной лавочке на улице Монмартр, и обстоятельство, что мы оба искали одну и ту же редкую и странную книгу невольно сблизило нас. С этого момента мы часто встречались друг с другом. Я очень интересовался историей его рода и он рассказывал мне все, с откровенностью француза, говорящего о самом себе. Я был также поражен его начитанностью и восхищался его пламенной и живой фантазией. Для моих занятий, ради которых я пребывал в Париже, общество такого человека было неоценимо. Я признался ему в том откровенно и мы, в конце концов, решили на время моего пребывания в Париже поселиться вместе. Так как мое имущественное положение было лучше, чем его, то он не возражал против того, чтобы я снял квартиру по своему вкусу и обставил ее согласно нашему обоюдному фантастическому и мрачному настроению. Это был старый, запущенный, странно выглядевший дом в дальней и пустынной части Фобург ст. Жермень, дом, который долго стоял пустым, так как с ним была связана какая-то суеверная история, очень мало нас, однако, трогавшая.

Счастье, что мир ничего не знал о нашем образе жизни, иначе нас объявили бы сумасшедшими. Мы жили абсолютно замкнуто, и нас никто не посещал. Я скрыл от своих прежних знакомых свой новый адрес, Дюпон же уже давно никому не был известен в Париже. Мы жили одни и только для себя.

Мой друг странным образом любил ночь, он прямо-таки был в нее влюблен, и я скоро начал разделять эту его склонность как, впрочем все его вкусы и привычки, подчиняясь без сопротивления

всем его причудам. И так как богиня ночи не могла все время оставаться с нами, то мы искусственно создавали ее царство. При первых же лучах рассвета мы плотно закрывали тяжелые ставни нашего дома и зажигали целый ряд ароматичных свечей, распространявших вокруг себя тусклый и таинственный свет. После этого мы отдавались полностью во власть своих мечтаний — мы читали, писали, болтали, пока часы возвещали нам, что настоящая темнота наступила. Тогда взявшись под руку шли мы бродить по улицам, продолжая дневные разговоры. Иногда мы делали длинные прогулки вплоть до глубокой ночи и искали необыкновенных психологических впечатлений, представляющихся глазу спокойного наблюдателя в этом миллионном городе среди странной игры света и теней.

При этом я снова и снова удивлялся исключительной одаренности Дюпона в области четкого аналитического мышления. Если ему представлялась возможность применить эту способность на деле, показать мне тот или иной опыт, то для него это было громадным наслаждением, в чем он сам охотно признавался. С легкой, чуть иронической улыбкой, утверждал он, что для него в груди каждого человека пробито окно и показывал мне немедленно свое утверждение, действительно поразительным знанием моих самых сокровенных мыслей. Лицо его принимало тогда холодное и отвлеченное выражение, глаза смотрели в пустоту, а обычно мягкий теноровый голос, превращался в резкий дискант, звучавший бы неприятно, если бы вся его речь не была столь осторожна и отчетлива. Когда я видел его в таком настроении, я невольно вспоминал страшное утверждение, что в человеке живет две души и забавлялся представлением двойного Дюпона, из которых один мыслит созидающе, а другой разрушающе.

Однажды, когда мы совместно просматривали „Газетт де Трибюн", наше внимание привлекла следующая заметка:

Необыкновенное убийство!

Сегодня рано утром, около 3-х часов жители квартала Сан Рох были пробуждены от сна ужасными криками. Крики, видимо, исходили из четвертого этажа одного дома на улице Морг, который целиком занимала мадам Леспанье и ее дочь м-ль Камилла Леспанье. После того, как некоторое время напрасно делались попытки проникнуть в дом нормальным образом, дверь была взломана и 8 или 10 соседей в сопровождении двух полицейских вошли внутрь. Между тем, крики прекратились и когда, группа вошедших бежала по первой лестнице, можно было различить два или несколько грубых голосов, яростно споривших между собою; они, казалось, исходили из верхней части дома. Когда общество достигло второго этажа, то и эти звуки прекратились, и наступила полная тишина. Группа разделилась и разбрелась по комнатам. Наконец, искавшие добрались до большой, выходившей во двор комнаты четвертого этажа, дверь которой пришлось взломать, т. к. она была заперта изнутри. Здесь вошедшим представилась картина, наполнившая их ужасом и содроганием. Комната находилась в состоянии дикого беспорядка, мебель была поломана и разбросана по всем углам. Из кровати были вынуты отдельные постельные принадлежности и в порванном виде брошены посредине комнаты. На стуле лежала запачканная кровью бритва, а в камине пряди седых волос, также покрытых кровью и, видимо, вырванных из головы с корнями. На полу было найдено четыре золотых монеты, серьга с топазом, три больших серебряных ложки и три маленьких никкелевых и два ко-

шелька, содержавшие в общей сложности четыре тысячи франков золотом. Ящики стоявшего в углу комода были вырваны и, видимо, ограблены, хотя в них оставалось еще много одежды. Под накиданными посредине комнаты постельными принадлежностями была найдена маленькая железная шкатулочка, не содержавшая, однако, ничего кроме старых писем и других, не имеющих значения, бумаг От мадам Леспанье не осталось и следа. Но так как у камина было замечено необычно много золы и сажи, то его исследовали и из каминной трубы, к ужасу всех присутствующих, было вытащено тело дочери. Она была засунута туда ногами вверх и вниз головой. Тело было еще совсем теплым и на нем было обнаружено много ссадин, причиненных, очевидно, при засовывании тела в каминную трубу. На лице был ряд глубоких царапин, а на шее виднелись темные глубокие отпечатки пальцев, как будто умершая была задушена. После тщательного и безуспешного осмотра всего тела, общество направилось в маленький мощеный двор, где и лежало тело старой дамы. Ее горло было так глубоко перерезано, что при попытке поднять ее, голова отлетела. Как тело, так и голова были так страшно изуродованы, что едва ли в них оставалось еще что-либо человеческое.

До сих пор, насколько нам известно, не найдено ни одного факта могущего помочь выяснению ужасной драмы".

На следующий день газета сообщила следующие подробности:

„Трагедия в улице Морг".

„Уже было допрошено множество лиц в связи с этим ужасным происшествием, но не удалось ничего выяснить. Ниже мы приводим показания опрошенных:

Полина Дюборг, прачка, заявляет, что знала умершую в течение трех лет и стирала для нее белье. Старая дама и ее дочь были в очень хороших, сердечных отношениях друг с другом. Они были аккуратными плательщицами. Свидетельница не знает каким образом они зарабатывали средства на жизнь, однако, предполагает, что они гадали на картах. Думают так же, что у них были отложены деньги. Свидетельница, заходившая в дом, чтобы взять и снова отнести белье, никогда не видела в квартире чужих людей. Она знает наверное, что прислуги они не держали. Кроме четвертого этажа, ни одна комната не была меблирована.

Пьер Моро, владелец табачной лавки, заявляет, что в течение почти четырех лет продавал мадам Леспанье небольшое количество нюхательного табака. Он родился по-соседству и всегда здесь жил. Умершая и ее дочь жили в этом доме уже свыше шести лет. Прежде там жил ювелир, сдававший остальные комнаты жильцам. Дом был собственностью мадам Л. и так как она была недовольна съемщиками, то въехала сама и после этого не сдавала ни одной комнаты. Старая дама была, как ребенок. Свидетель видел дочь за эти 6 лет всего лишь 5 или 6 раз; обе жили очень замкнуто и считались состоятельными. По соседству рассказывали, что м-м. Л. гадает на картах, но свидетель этому не верит. Он не видел никогда, чтобы кто-нибудь входил в дом кроме старой дамы и ее дочери, — один-два раза какое-то должностное лицо, да восемь или десять раз — врач.

Ряд других свидетелей, из числа соседей, дали аналогичные показания. Никто из них не упоминал о посещениях, никто также не знал, были ли у мадам Л. родственники или нет. Ставни окон, выходивших на улицу редко открывались, ставни же окон, выхо-

дивших во двор, за исключением окон большой комнаты в четвертом этаже, были всегда закрыты. Дом не был старым и находился в хорошем состоянии.

Исидор Мюсет, полицейский, показал, что его позвали утром около трех часов и у двери он увидел 20 или 30 человек, пытавшихся войти внутрь. Он взломал, наконец, дверь, что не составило для него большого труда, так как это была двойная дверь, не закрытая на задвижку ни внизу, ни вверху. Крики продолжались до тех пор, пока дверь не была взломана, после чего они внезапно прекратились. Казалось, эти крики испускались одним или несколькими лицами в смертельном ужасе, они были длинными и продолжительными, а не короткими и быстро друг за другом следующими. Свидетель побежал тогда вперед, вверх по лестнице. Когда он достиг первого этажа, он услышал два, горячо споривших между собою, голоса. Один голос был грубый, другой гораздо резче, очень странный голос. Он мог различить отдельные слова грубого голоса, это был голос француза и ни в коем случае не женщины. Он различил слова „проклятие“ и „дьявол“. Резкий голос принадлежал иностранцу, и свидетель не может решить, был ли это мужской или женский голос. Он не мог понять сказанного, но думает, что резкий голос говорил по-испански. Свидетель описывает состояние комнаты и трупов так, как мы сообщали в прошлом номере.

Анри Дюваль, сосед, серебряных дел мастер, показывает, что он принадлежал к числу первых, вошедших в дом. В основном он подтверждает показания Мюсета. Он считает, что резкий голос говорил по-итальянски. Он не понимает итальянского языка, но думает так, судя по звуку. Он знал мадам Л., ее дочь и часто с ними разговаривал, он убежден, что резкий голос не принадлежал ни одной из них.

Оденгейм, содержатель ресторана, добровольно пожелал дать показания. Так как он не говорит по-французски, то был опрошен через переводчика. Он происходил из Амстердама и проходил мимо дома, когда раздавались крики. Это продолжалось около 10 минут; длинные продолжительные крики были ужасны и их было мучительно слушать. Свидетель принадлежал к числу вошедших в дом. Он подтвердил предыдущие показания, но он убежден, что резкий голос принадлежал мужчине и французу. Однако, произносимых слов он понять не мог. Они были громкими и следовали быстро и неравномерно друг за другом, в них слышался как страх, так и раздражение. Голос был не столько резким, сколько неприятным, его, собственно говоря, даже нельзя назвать резким. Низкий голос воскликнул несколько раз „проклятие“ и „дьявол“ и один раз „Боже мой!“

Юлий Миньо, банкир, компаньон фирмы Миньо и сын, ул. Делорэн. Миньо - отец показал, что мадам Л. имела некоторое состояние. Она имела банковое конто в течение 8 лет и делала часто небольшие взносы. Однако, она никогда не брала денег из банка, и только за три дня до смерти взяла лично 4 тысячи франков. Сумма была выплачена ей золотом, и один из чиновников проводил ее до дома.

Адольф Лебон, служащий фирмы Миньо и сын, заявляет, что в означенный день около полудня он помог мадам Леспанье нести два мешочка с 4 тыс. франков золотом. Когда они подошли к дому, двери открылись, м-ль Леспанье появилась в двери и взяла у него из рук один мешочек, другой мадам Л. Он поклонился и уда-

лился. На улице, пока они шли, он не видел ни одного человека' это была очень пустынная боковая улица.

Вильям Берд, портной, англичанин, живет уже в течение двух лет в Париже, он был одним из первых, вошедших в дом. Он слышал споривші голоса и различил слова „проклятье“ и „Боже мой!“ Резкий голос звучал очень громко, громче, чем грубый. Это говорил определенно не англичанин, может быть, немец, и, может быть, это была женщина. Свидетель не знает немецкого языка.

Альфонс Гарсио, гробовщик, живет в улице Морг. Он по рождению испанец и принадлежит к числу первых вошедших. Он не поднимался по лестнице, так как у него очень нервная натура, и он боялся дурных для себя последствий нервного потрясения. Он слышал спорящие голоса и подтверждает, что грубый голос принадлежал французу, хотя он и не понял, что было сказано. Он убежден, что резкий голос принадлежал англичанину. Он не понимает по-английски, но судит по звуку.

Альберто Монтани, кондитер, говорит, что он был одним из первых, проникших в дом. Грубый голос был голос француза, упрекавшего, казалось кого-то. Смысла того, что говорил резкий голос, он не понял, говорилось слишком быстро и неравномерно. Он думает, что это говорил русский. Свидетель итальянец и никогда не разговаривал ни с одним русским. В остальном его показания совпадают с показаниями других.

Все свидетели подтвердили еще раз, что дверь комнаты была изнутри замкнута, когда они достигли четвертого этажа. Все было совершенно тихо, не слышно было ни стона, ни шороха. Шикарные окна были заперты, как в первой, так и во второй комнате. Окна, выходившие во двор, кроме того, были заколочены, в каждое из двух окон было вбито по большому гвоздю. Дверь между комнатами была закрыта, но не заперта. Дверь, ведшая в переднюю была заперта извнутри и ключ торчал в замочной скважине. В конце передней находилась еще маленькая комнатка, дверь которой была полуоткрыта. Здесь лежали матрацы, стояли ящики и разные другие предметы; комната, видимо, служила чуланчиком. Никакого другого выхода из нее не было. В доме четыре этажа и наверху еще мансарда. Дверь в потолке, ведущая в мансарду была тщательно заколочена и, видимо, не открывалась уже в течение многих лет. Черной лестницы и заднего выхода в доме не было. Трубы в четвертом этаже слишком узки для того, чтобы через них смог кто-нибудь пробраться в комнату или выйти из нее. Тело мадмуазель Леспанье было затиснуто в более широкую нижнюю часть трубы с такой силой, что понадобилось усилие четырех или пяти мужчин, чтобы его оттуда вытащить.

Относительно времени, прошедшего между окончанием спора двух голосов и взломом двери, мнения расходятся, однако, дело идет о трех, самое большее, пяти минутах. Совершенно непонятно, как могли исчезнуть убийцы.

Хотя было опрошено большое количество свидетелей, нигде не замечено ни малейшего следа, могущего повести к открытию преступников. Никогда еще в Париже не было совершено более таинственного и загадочного убийства—если только вообще это было убийство. Полиция совершенно бессильна.»

Вечерний выпуск газеты сообщал, что весь квартал находится все еще в большом волнении. Полиция предприняла еще раз тщательный осмотр дома и еще раз опросила свидетелей—результатов

никаких. Кроме того, газета сообщала, что арестован Адольф Лебон, чиновник, несший мадам Лесланье деньги, хотя никаких новых улик против него нет.

Дюпон, казалось, очень интересовался этими событиями, по крайней мере, так можно было судить по его поведению, так как он ничего не говорил. Только после сообщения об аресте Лебона он спросил меня, что я думаю об убийстве.

Я мог не только присоединиться к мнению всего Парижа, а, именно, что все происшествие является неразрешимой тайной. Я не видел ничего, что могло бы повести к раскрытию преступления.

— Мы не можем судить по этим крайне поверхностным расследованиям,—сказал Дюпон,—парижская полиция слывет повсюду за очень проницательную, но она хитра и больше ничего. В ее действиях нет плана, и она часто, руководится случайными обстоятельствами. Она всегда очень похваляется своими мероприятиями, в то время, как последние, очень часто, так мало соответствуют стоящим перед ней задачам, что невольно вспоминаешь Мусье Журдена, который, как известно надевал свой жилет, чтобы быть в состоянии лучше понимать музыку. Иногда полиция приходит к поразительным результатам, но большей частью, только благодаря своему рвению и энергии. Там где этих свойств недостаточно, не помогает и ее кажущаяся проницательность. Видок, например, обладал хорошим соображением и большим терпением, но ему не хватало тренированного мышления, и потому его ревностные изыскания часто вели его по неправильному пути. Вся его сообразительность не могла ему помочь, так как он не был в состоянии стать выше фактов. Один или два пункта замечал он с необычайной проницательностью, но чем больше он в них углублялся, тем больше терял целое из вида. Иногда изыскания могут быть черезчур глубокими, и правда лежит не всегда на дне колодца.

Что же касается до этого двойного убийства, то мы сами произведем расследование, прежде чем делать вывод. Расследования доставят нам удовольствие—я счел выражение весьма неуместным, но не возразил ни слова—кроме того Лебон оказал мне однажды услугу, за которую я ему благодарен. Пойдемте-ка посмотрим этот дом. Я знаком с Г., префектом полиции, он даст нам необходимое разрешение.

Получив разрешение мы направились в улицу Морг. Это была небольшая улица между ул. Ришелье и св. Роха. Так как она лежала далеко от нашего местожительства, то мы добрались туда лишь после полудня. Дом было легко найти, так как много людей стояло на улице, уставившись с бесцельным любопытством на закрытые ставни дома. Это был обыкновенный парижский дом с одними воротами, около которых находилось наблюдательное окошко для портье. Сначала мы прошли по улице, обошли дом кругом, причем Дюпон рассматривал не только дом, но и окрестности с точностью, для которой я не находил причин.

Затем мы прошли обратно к главному входу, показали дежурному полицейскому наше разрешение и вошли внутрь. Мы поднялись по лестнице и вошли в комнату, где было найдено тело мадемуазель Лесланье. Как обычно в таких случаях, все было оставлено в первоначальном беспорядке. Я не заметил ничего о чем бы уже не упоминала «Газетт де Трибюн». Дюпон исследовал тщательно каждый предмет, в том числе и оба трупа. Затем мы прошли по другим комнатам, зашли во двор, при чем нас все время сопровождал поли-

цейский. Исследование затянулось до темноты, после чего мы распрощались с полицейским. По дороге домой мой друг зашел в редакцию одной из ежедневных газет.

Я уже говорил, что Дюпон имел ряд странностей, с которыми я должен был считаться. На этот раз, по какому-то капризу, он отклонял всякий разговор относительно преступления, вплоть до полудня следующего дня. Затем он вдруг спросил меня, заметил ли я нечто необычайное в отношении жестокости преступления. Он с таким странным выражением подчеркнул слова, «нечто необычайное», что у меня мороз пробежал по коже.

— Нет, ничего необычайного—ответил я,—по крайней мере, ничего такого, чего бы я не прочел уже в газете.

— Газета,—возразил он,—к сожалению недостаточно подчеркнула необычайную жестокость убийства. Но мы не будем дальше заниматься их глупыми сообщениями. Я думаю, что решение этой задачи считается невозможным по той самой причине, по которой оно кажется мне столь легким, именно потому, что все дело носит такой неестественный характер. Полиция поражена кажущимся отсутствием мотива, если не для самого убийства, то во всяком случае для жестокости, с какой оно было совершено. Она не может справиться с кажущейся невозможностью дать объяснение факту споривших голосов и отсутствию какого-либо живого существа в запертых со всех сторон комнатах, имеющих лишь один передний выход. Дикого беспорядка в комнате, затисканного в каминную трубу трупа, ужасно пораненного тела старой дамы, и других подробностей, которых не хочу еще раз перечислять, было достаточно, чтобы совершенно парализовать знаменитую проницательность уголовной полиции, и направить ее на ложный путь. Полицейские сыщики совершили грубую, но обыкновенную ошибку, они смешали необыкновенное с невозможным. Но как раз эти отклонения от обычного и ведут к открытию истины, если ее вообще можно открыть. При расследовании не следует спрашивать: Что случилось? но: что является новым во всем случившемся? В самом деле, легкость, с которой я найду или уже нашел решение этой тайны, является логическим следствием кажущейся ее неразрешимости.

Я уставился на своего друга в немом изумлении.

— Я сейчас ожидаю,—продолжал он, взглянув на дверь,—человека, который, хотя вероятно, и не является виновником этих кровавых преступлений, но в известной степени в это дело замешан. Возможно, он совсем не придет, но вероятнее всего, он придет. Если он войдет сюда, то мы должны его задержать. Вот пистолеты, мы оба умеем употреблять их в нужном случае.

Я взял пистолеты, не понимая, что я делаю, едва веря всему слышанному, между тем, как Дюпон продолжал свои рассуждения, как бы разговаривая сам с собой.

— То, что спорящие голоса,—сказал он,—которые были услышаны вошедшими в дом, не принадлежали женщинам,—вполне доказано. Нам, поэтому, не нужно останавливаться на предположении, что старая дама убила сначала свою дочь, а потом покончила с собой. Я упоминаю об этом только для того, чтобы быть последовательным. Кроме того, мадам Леспанье никогда не хватило бы силы засунуть труп своей дочери в трубу, да и раны на ее теле исключают самоубийство. Итак, значит был кто-то третий, совершивший убийство, а люди, вошедшие в дом слышали голоса этих, убийц. Теперь перейдем не к высказываниям свидетелей об этих голосах

целиком, а к тому, что было необыкновенного в этих высказываниях. Вам что-нибудь бросилось в глаза? Я заметил, что все свидетели, были согласны в том, что грубый голос принадлежал французу, тогда как мнение о национальной принадлежности резкого или, как один сказал, неприятного голоса, сильно расходились.

— Это ясно,—сказал Дюпон, но не это является необычайным в показании свидетелей. Значит вы не заметили ничего особенного, а между тем особенное было. Свидетельские показания относительно грубого голоса сходились, как это вы уже заметили. Что же касается до резкого, то необыкновенное заключается не в том, что показания расходились, а в том, что итальянец, англичанин, испанец, голландец и француз приписывали его иностранцу, и каждый из них был уверен, что он не принадлежал его соотечественнику. Ни один не узнал родного или знакомого ему языка, но приписывал его языку, которого он совсем не знал. Француз не понимавший по-испански, считал его испанским языком, голландец, не знавший французского,—французским, англичанин, не слышавший никогда немецкого,—немецким и т. д. Каким же необыкновенным должен был быть этот язык и голос, что он побудил к таким высказываниям, и что представители пяти больших языков не нашли в нем ничего родственного. Вы возразите мне, что это мог быть голос азиата или африканца. Ни азиаты, ни африканцы не встречаются часто в Париже, но чтобы вы не считали меня поверхностным, прошу вас обратить внимание на следующие три обстоятельства. Один из свидетелей называет голос скорее неприятным, чем резким. Два других говорят, что речь была быстрая и неравномерная. В-третьих, ни один из свидетелей не упоминает о том, что он различил отдельные слова или похожие на слова звуки.

— Я не знаю,—продолжал Дюпон, какое впечатление произвел я на вас своими суждениями, но я должен сказать, что одних этих свидетельских показаний было для меня достаточно, прийти к предположению, указывающему правильную дорогу к открытию тайны. Что за предположение, я пока вам не скажу. Во всяком случае оно побудило меня придать моим исследованиям в квартире совершенно определенный характер.

Перенесемся мысленно в ту комнату. С чего мы начали поиски? Мы должны были найти путь, по которому удалились убийцы. Само собой разумеется, мы оба не верим в сверхестественное явление; мадам и мадемуазель Леспанье не были убиты духами. Убийцы были, существовали во плоти и во крови и ушли естественным путем. Но как? Исследуем одну за другой все возможности. Ясно, что убийцы находились еще в комнате, где был найден труп дочери, или в соседней, когда ворвавшиеся в дом люди бежали по лестнице. Значит дело идет о выходах из этой комнаты. Полиция обыскала все полы, потолки и стены и не нашла нигде потайной двери. Она искала тщательно, но я произвел еще раз сам поиски и столь же безрезультатно. Обе комнаты были заперты и ключи торчали внутри. Исследование труб ясно показывает, что они узки для человека. И так, остаются только окна, займемся ими. Из окон, выходивших на улицу никто не мог выскочить, толпа заметила бы. Значит, убийцы должны были непременно улизнуть через окна задней комнаты. После того, как мы логическим путем дошли до этого заключения, нас не должна смущать кажущаяся невозможность этого. Остается только доказать, что кажущаяся невозможность совсем не является

невозможностью. В комнате два окна. Одно свободно. Около него не стоит никакой мебели. Нижняя часть другого окна прикрыта спинкой тяжелой кровати, плотно придвинутой к нему. Было установлено, что первое из названных окон было плотно заперто, извнутри. Все попытки открыть его были безуспешны. В левой части рамы был замечен большой гвоздь, глубоко загнанный в раму и подоконник. При исследовании другого окна нашли такой же гвоздь на таком же самом месте. И здесь все попытки поднять окно ни привели ни к какому результату. Полиция была совершенно убеждена, что этим путем никто не мог выйти и считала излишним попробовать удалить гвоздь и открыть окно. Мое исследование было основательнее, так как я уж знал, что этой невозможности в действительности не могло существовать. Я рассуждал следующим образом: убийцы ушли через одно из этих окон, они не могли запереть окно извнутри, а между тем, окна были извнутри заперты. Значит они могли захлопываться сами собой. Другой возможности не было. Я подошел к свободному окну, удалил с трудом гвоздь и попробовал поднять его, из моих усилий ничего не вышло. Теперь я знал, что должна существовать скрытая пружина. Тщательные поиски дали возможность мне ее найти, я нажал на нее, отказавшись от удовольствия поднимать окно. Итак окно захлопнулось само собой. Еще остались гвозди. Я рассмотрел внимательно гвоздь, убийца, выйдя из окна, не мог же его снова забить. Логическое следствие было ясно: убийцы удалились через другое окно. Я взобрался на кровать и нашел в другом окне пружину совершенно такую же, как и в первом окне. Я внимательно осмотрел гвоздь, он оказался совершенно таким же и был так же забит, как и в первом окне. Вы скажете, что теперь я стоял перед неразрешимой задачей, но если вы так думаете, то вы не знаете характера моего мышления. Я не дал сбить себя. С гвоздем обязательно должно было быть что-нибудь не так, другого выхода не было. Я схватился за шляпку и она... вместе с четвертью гвоздя осталась у меня в руке. Остаток сидел крепко в подоконнике. Место излома видимо было уже старым и заржавело. Я воткнул кусок гвоздя в отверстие, он выглядел совершенно целым. Я нажал на пружину и тихонько немного приподнял окно, шляпка гвоздя поднималась вместе с ним. Я опустил окно, гвоздь выглядел попрежнему.

Итак, в этом отношении загадка была решена. Убийцы ушли через окно, около которого стояла кровать. Окно захлопнулось или было захлопнуто. Полицейские приняли сопротивление пружины за сопротивление гвоздя и считали дальнейшие исследования излишними.

Следующий вопрос был: как они спустились. На этот вопрос ответила мне прогулка, которую я с вами сделал вокруг дома. Приблизительно в пяти с половиной футах от окна находился громоотвод. Пользуясь этим громоотводом невозможно достичь окна или, пожалуй, в него забраться.

Однако, я заметил, что ставни окон четвертого этажа были очень своеобразны, их называют по имени одного французского столяра феррадами. Эти ставни, встречающиеся теперь все реже и реже в Париже, однако, еще довольно часто в Лионе и Бордо, представляют собой по форме обыкновенную дверь, простую, а не двойную. Нижняя половина сделана в виде решетки, так что дает очень удобный упор для рук и ног. Ставни эти по крайней мере три с половиной фута шириной. Когда мы рассматривали дом, они были наполовину открыты, т. е. образовывали прямой угол со стеной.

ловину открыты, т. е. образовывали прямой угол со стеной. Полиция, конечно, тоже осматривала дом с этой стороны, но когда полицейские сыщики смотрели на эти феррады, они не заметили их ширины или, во всяком случае, не придавали этому обстоятельству никакого значения. Кроме того они уже имели твердое убеждение, что этим путем убийцы не могли исчезнуть, и потому не слишком углублялись в дальнейшие исследования. Мне же, однако, было ясно, что если ставни, или вернее ставня окна, около которого стояла кровать, была плотно прислонена к стене, то она находилась всего лишь в двух футах от громоотвода. Поэтому очевидно, что особа обладающая в необыкновенной степени ловкостью и мужеством могла таким путем пробраться в окно. Разбойник, могущий преодолеть расстояние в два с половиной фута (мы предполагаем, что ставня была совсем открыта), может также твердо удержаться на прутьях решетки. Ухватившись же крепко за решетку и раскачав ставню, он вместе с закрывшейся ставней попал прямо к окну или даже через окно в комнату. Обратите внимание на то, что я предполагаю наличие совершенно необыкновенной ловкости для такого трудного и опасного предприятия. Я вам хотел, во-первых, показать, что подобное проникновение в окно возможно, в особенности, я хочу подчеркнуть необыкновенную, даже сверхъестественную ловкость, требующуюся для этого.

Вы мне, без сомнения, скажете, что выражаясь юридическим языком, для выяснения случая совсем не нужно подчеркивать трудности предприятия. Юристы могут считать это практичным, но, если вы хотите рассуждать разумно, то избегайте этой ошибки. Моя цель —исключительно узнать правду. Здесь я хочу подчеркнуть вам два обстоятельства, а именно: уже упомянутую ловкость и очень своеобразный, резкий (или неприятный) и неровный голос, относительно национальной принадлежности которого не было высказано двух одинаковых мнений, и в звуке которого никто не мог различить отдельных слов.»

В этот момент в уме моем всплыло неясное слабое предчувствие того, к чему в конце концов, сводилось мнение Дюпона. Я был близок к тому, чтобы понять его, хотя еще и не дошел до полной ясности, это походило на какие-то смутные воспоминания, когда до конца не знаешь, что же это, собственно говоря, было.

Мой друг, между тем, продолжал свои рассуждения:

— Вы вероятно заметили,—сказал он, что я перешел от вопроса, каким образом преступники исчезли, к вопросу, как они проникли в квартиру. Я хотел этим сказать, что и то и другое произошло одним и тем же путем. Обратимся теперь еще раз к внутренности комнаты, как там все выглядело. Согласно полицейскому сообщению—ящики комода были ограблены, хотя там еще оставалось много одежды и белья. Заключение кажется мне неудачным, это не больше, чем предположение и к тому же очень нелепое. Откуда мы знаем, что из ящиков было что-либо удалено? Может быть, оставшиеся там вещи и есть все, что там когда-либо лежало. Мадам Леспанье и ее дочь вели крайне замкнутый образ жизни, они не принимали гостей, и потому не имели причин менять очень часто свои туалеты. То, что осталось в ящиках все такого же хорошего качества, как и вообще все вещи обеих дам. Если вор взял что-нибудь, то почему он не взял лучшего, не взял всего? Почему, одним словом, он оставил лежать четыре тысячи франков и нагрузил себя узлом с бельем? Золото было брошено. Почти вся сумма, выданная

банкиром Миньо была найдена валяющейся на полу. Я хочу, чтобы вы совершенно оставили мысль о том, что убийство совершено с целью ограбления, эта мысль закралась в голову полиции только вследствии свидетельских показаний о том, что деньги были приняты дамами из рук чиновника у входной двери. Случайности в десять раз больше, чем та, что мадам Леспанье получила деньги за три дня до убийства, совершаются ежедневно и никто не придает им значения. Вообще за такие случайности цепляются люди, не имеющие ни малейшего понятия о законах теории вероятностей. Если б деньги исчезли, тогда факт их получения три дня тому назад имел бы не случайное значение. Тогда его можно было бы рассматривать, как мотив. Но при данных обстоятельствах, мы должны считать преступников, совершивших жестокое дело, совершенными идиотами, если они имея целью добыть золото, как раз его-то и бросили в квартире.

Итак, запомните хорошо пункты, на которые я вам указал: странный голос, необычайная ловкость и бросающееся в глаза отсутствие мотива для такого ужасного и жестокого убийства. Обратимся же к самому преступлению. Одна из женщин задушена рукой и затиснута в каминную трубу головой вниз. Обыкновенные убийцы не имеют обыкновения лишать свои жертвы жизни таким путем и, в особенности не прячут тела таким образом. Вы должны признать, что то, как тело было затиснуто в трубу противоречит всякому, даже самому низкому человеческому чувству, даже если мы предположим, что убийцы принадлежали к самым испорченным отбросам человеческого общества. А потом подумайте, какая сила потребовалась для того, чтобы затиснуть туда тело, если лишь усилиями многих людей удалось его снова оттуда вытащить!

Обратимся к другим доказательствам этой необыкновенной силы. На камине была найдена толстая, очень толстая прядь человеческих волос, вырванных с корнями. Вы знаете, как трудно вырвать даже 20 или 30 волос сразу, какая же сила смогла вырвать сразу полмиллиона волос, вместе с кусочками кожи ни них? Горло старой дамы было не только перерезано, но голова была совсем отделена, и это было сделано таким маленьким инструментом, как бритва. Затем я хочу обратить ваше внимание на чрезвычайную грубую жестокость, с которой было совершено убийство. При этом я не говорю о ранах на теле старой дамы, они произошли от падения тела на мостовую. Полиция этого но учла, так как окон нельзя было открыть, а потому через окно тело не могло быть выброшено.

Если мы присовокупим еще странный беспорядок в комнатах, то придем к следующим конечным результатам: удивительная ловкость, сверхчеловеческая сила, грубая жестокость, убийство без всякого повода, гротесковая бесчувственность и голос, кажущийся представителям разных национальностей чуждым, речь, в которой нельзя различить отдельных слов.

К какому результату вы пришли? Что думаете?

Мороз пробежал у меня по коже при этом вопросе Дюпона...

— Это сумасшедший,—сказал я,—буйный помешанный, убежавший из желтого дома, совершил это преступление.

— В известном отношении,—ответил он,—ваше предположение не лишено оснований. Но даже во время самых диких припадков у сумасшедших нет такого неестественного голоса, как слышанный на лестнице. Душевнобольные принадлежат к какой либо нации, и как

бы ни были их слова бессмыслены, все же это слова. Кроме того ни один сумасшедший не имеет таких волос, как эти вот у меня в руке. Я вытащил этот маленький пучек из судорожно сжатой руки мадам Леспанье. Что вы об этом думаете?

— Дюпон,—вскричал я,—это очень странные волосы. Это—не человеческие волосы!

— Я этого и не утверждал,—ответил он, но прежде чем вы придете к решению, взгляните на этот рисунок, это я срисовал темные пятна на горле мадемуазель Леспанье.

Мой друг расправил лист бумаги и продолжал:

— Вы замечаете, что этот рисунок дает представление о сильной схватке. Пальцы, видимо, нигде не сорвались. Каждый из пальцев крепко врезался в горло и давление не было ослаблено, пока жертва не скончалась. Попробуйте совместить пальцы ваших рук с этими отпечатками на бумаге. Я пробовал, но мне никак не удавалось. Это отпечатки не человеческой руки,—сказал я, наконец.

— Прочтите этот отрывок из Кювье*)—сказал мне Дюпон. Это было точное описание большого желто-коричневого оранг-утанга с островов восточной Индии. Громадная величина, удивительная сила и ловкость, дикая жестокость и склонность к подражанию были его отличительными признаками. Теперь я, вдруг понял ужасные подробности убийства на улице Морг.

— Описание пальцев,—сказал я, прочив до конца,—подходит к этому рисунку. Я уверен, что ни одно животное, кроме оранг-утанга не могло оставить таких отпечатков. Также и этот пучек желто-коричневых волос подходит к описанию этой бестии. И все-таки я не могу понять обстоятельств ужасной тайны. Ведь слышны были два споривших голоса, и один из них наверное принадлежал французу.

— Конечно, и вы, вероятно, припоминаете какое восклицание многие свидетели приписывали этому голосу, именно: „Боже мой!" Один из свидетелей, кондитер Монтани, даже услышал в этом голосе тон упрека. Эти два пункта дали мне надежду разрешить загадку до конца. Француз был свидетелем убийства и возможно —даже почти наверное, он сам совсем не виноват в этом кровавом деле. Оранг-утанг, вероятно убежал от него, и он преследовал его вплоть до этой комнаты, после чего, вследствии этих волнующих событий, он его, вероятно, совсем не смог поймать. Как бы это ни было, это только предположение, но мы можем его продолжить. Во всяком случае, если означенный француз не виноват в преступлении, то вот это объявление, которое я вчера занес в газету „Ле монд" (ее особенно охотно читают матросы) приведет его в нашу квартиру.

При этом он подал мне газетный листок.

«Утром (следовало число дня непосредственно следовавшего за днем убийства) в Булонских лесах пойман большой желто-коричневый оранг-утанг из породы оранг-утангов, живущих на острове Борнео. Владелец, (говорят, что это матрос с мальтидского корабля) может получить животное обратно, после предъявления доказательств и возмещения убытков, нанесенных при поимке и уходе за ним. Явиться просят по адресу: ул....№... Фобург Сан Жермен в 3-м этаже.

— Откуда вы знаете,—спросил я.—что человек этот матрос с мальтидского корабля?

---

*) Кювье—известный французский естествоиспытатель.

— Я не знаю,—ответил Дюпон,—но я в этом уверен. Видите кусочек ленточки, такими ленточками еще до сих пор матросы часто перевязывают волосы. Кроме того это морской узел. Я нашел ее на земле у громоотвода, ни одной из убитых она принадлежать не могла. Если же эта ленточка привела меня к неправильному заключению, то моя заметка в газете все же повредить не может. Владелец оранг-утанга просто подумает, что кто-то или что-то ввело меня в заблуждение. Если же я прав, то это замечание может многому помочь. Если даже этот француз по существу не виновен, он все же будет колебаться явиться ли ему по этой заметке, он будет боятся, что его все же привлекут к ответственности. Теперь же он будет рассуждать следующим образом: я не виновен, я беден. Мой оранг-утанг стоит дорого, и для меня это целое состояние. Почему я должен потерять его из-за пустых страхов? Его нашли в Булонских лесах, далеко от места убийства. Кому придет в голову, что все это совершило животное? Полиция идет по ложному пути, она еще не напала на след. И так или иначе обо мне уже известно. Человек, поместивший объявление в газете указывает на меня, как на владельца, может быть, у него есть относительно этого еще более точные данные. Если же я не явлюсь и откажусь от такой ценности, то это-то как раз и может возбудить подозрение. Поэтому лучше я заберу своего оранг-утанга и спрячу его, пока все дело не забудется.

В этот момент на лестнице послышались шаги.

— Держите пистолеты наготове,—сказал Дюпон,—но вытащите их только по моему знаку.

Кто-то поднимался по лестнице. Затем он, видимо, в нерешительности остановился и стал снова спускаться. Дюпон уже бросился к двери, когда мы снова услышали поднимающиеся шаги. Теперь уже без колебаний человек подошел к нашей двери и постучал.

— Войдите,—крикнул Дюпон приветливым тоном.

В комнату вошел мужчина, видимо, моряк, высокий, крепкий и мускулистый с отважным и не лишенным симпатичности лицом. Его сильно загорелое лицо было наполовину покрыто бородой. Он неумело поклонился и поздоровался с нами на французском языке, выдававшем урожденного парижанина.

— Пожалуйста, садитесь,—сказал Дюпон. Вы пришли, вероятно, чтобы получить своего оранг-утанга. Я право завидую вам, такое прекрасное и, конечно очень ценное животное. Сколько ему, по-вашему, может быть лет? Матрос глубоко вздохнул, у него, видимо, спала с души большая тяжесть. Затем он ответил спокойно:

— Я не могу точно сказать, но не больше четырех-пяти. Он у вас здесь?

— О нет, здесь трудно было бы его держать. Он находится здесь совсем не далеко, в улице Дювург, я снял там хлев для него. Вы можете доказать свое право на него?

— Конечно, сударь.

— Мне жаль, что я его теряю,—сказал Дюпон.

— Я, конечно, не хочу, чтобы ваши труды были напрасны, сударь,—сказал матрос,—этого я не могу требовать. Я готов заплатить вознаграждение, в разумных границах, конечно.

— Хорошо,—ответил мой друг,—это правильно. Подождите, что же мне от вас потребовать. Ах, вот, знаю, вместо вознаграждения расскажите мне о подробностях убийства в улице Морг, поскольку они вам известны.

Дюпон проговорил последние слова очень тихо и совершенно спокойно. Так же спокойно он подошел к двери, запер ее и положил ключ в карман. Затем он вынул из кармана пистолет и положил его на стол.

Моряк густо покраснел и, казалось, задыхался. Он вскочил, схватился за свою палку, но сразу же выпустил ее из рук и, весь дрожа, снова опустился на свой стул, теперь он был бледен, как смерть. Мне было его от души жалко.

— Мой друг, — сказал Дюпон приветливым тоном, — вы право же напрасно волнуетесь. Мы не замышляем ничего дурного против вас. Я даю вам слово порядочного человека и француза, что с вами ничего не случится. Я знаю наверное, что вы не виноваты в убийстве на улице Морг. Но я не могу отрицать того, что вы замешаны в это дело. Из моих слов вы видите, что я узнал подробности этого дела таким путем, о котором вам и не снилось. Дело обстоит таким образом, что вы ничего такого не совершили, от чего бы вы могли воздержаться и ничего, что делало бы вас виновным. Да, даже ничего не украли, хотя могли это сделать безнаказанно. Поэтому вам нечего скрывать. С другой стороны ваша честь обязывает вас рассказать все, что вы знаете. Другой совершенно невинный человек арестован и стоит перед обвинением в убийстве, в то время, как вы можете назвать настоящего убийцу.

Матрос под влиянием спокойных слов Дюпона снова обрел душевное равновесие.

„Клянусь Богом,—сказал он после короткой паузы,—я расскажу вам честно все, что знаю. Но я не думаю, чтобы вы хоть половине поверили, я был бы глупцом если бы думал так. И все-таки я не виновен и хочу облегчить свое сердце, даже, если я должен буду за это умереть.“

Он рассказал нам вкратце следующее:

Не так давно он делал рейс к индийскому архипелагу. Группа матросов, в том числе и он, пристала у острова Борнео и совершила прогулку внутри острова. При этом он вместе со своим другом поймал оранг-утанга. Друг умер и он стал единственным владельцем животного. По дороге домой неукротимая дикость его пленника доставляла ему много хлопот, но, наконец, ему удалось благополучно водворить его в свою парижскую квартиру, и, чтобы не возбуждать надоедливого любопытства соседей, он тщательно запер его. Он намеревался продать животное, как только у него поправится рана на ноге, которую он причинил себе на корабле.

Но как раз в ночь убийства, когда матрос вернулся с матросских увеселений, он нашел животное в своей спальне, причем оно сломало замок, казавшийся матросу очень крепким. Оранг-утанг сидел с намыленным подбородком и бритвой в руках, пробуя бриться. Видно он наблюдал своего хозяина в замочную скважину, когда тот брился. Матрос очень испугался, увидев это опасное оружие в руках дикого зверя... Он был уверен, что обезьяна сумеет его применить. Несколько секунд он не двигался. Однако он привык укрощать ее дикие порывы с помощью бича, за который теперь и схватился. Когда оранг-утанг это увидел, он неожиданно вскочил, выбежал из комнаты, сбежал вниз по лестнице и через, по несчастью стоявшее открытым, окно выскочил на улицу.

Матрос в отчаянии последовал за ним. Обезьяна, однако, все еще держа бритву в руках, бежала дальше, время от времени останавливаясь и делая своему преследователю гримасы. На улицах

господствовала полная тишина, это было около трех часов утра. В одном из переулков позади улицы Морг, свет, исходивший из открытого окна спальни мадам Леспанье привлек внимание беглеца. Он подбежал к дому и с необычайной ловкостью забрался вверх по громоотводу. Затем он схватился за открытую ставню и проехал прямо до окна кровати. Для всего этого ему понадобилась одна минута. Вскочив в комнату оранг-утанг снова оттолкнул ставню. Матрос был поражен, но, одновременно и обрадован. Он получил надежду снова поймать бестию, т. к. из этой ловушки для нее был только один ход, вниз по громоотводу, где он и надеялся его поймать. Однако его смущала мысль, что может обезьяна натворить в доме и эта забота заставила его последовать за ней по громоотводу. Для матроса не составляло большого труда забраться вверх по громоотводу. Но поднявшись до высоты окна, он не мог следовать дальше. Однако, он мог заглянуть в комнату. Бросив туда взгляд, он чуть не упал вниз от ужаса. Это был как раз момент, когда среди ночи раздались ужасные крики, пробудившие жителей улицы Морг от сна. Мадам Леспанье и ее дочь были в ночных одеяниях и, видимо, занимались упаковкой уже упомянутых бумаг в железную коробочку, которая стояла посреди комнаты на полу. Несчастные жертвы стояли вначале спиной к окну и, судя по времени, протекшему между вторжением бестии и началом криков, не сразу заметили животное. Стук ставни они, вероятно, приписали ветру. Когда матрос заглянул в окно, огромная обезьяна держала мадам Леспанье за волосы (они были распущены, т. к. она их как раз причесывала) и делала бритвой около ее лица движения, подражая бреющему человеку. Дочь упала в обморок и лежала неподвижно на полу. Старая дама кричала и сопротивлялась, при чем она и лишилась пряди волос. Все это привело сначала мирно настроенную обезьяну в ярость. Одним движением своей мускулистой руки, она почти отделила голову мадам Леспанье от тела. Вид крови усилил ее ярость до неистовства. Скрипя зубами, с блестящими глазами она бросилась на безчувственную девушку и впилась своими ужасными пальцами в ее горло, не расжав хватки до тех пор, пока девушка не была мертва. В это время взгляд обезьяны упал на окно, в котором она увидела искаженное от ужаса лицо своего хозяина. Ярость животного, вспомнившего в этот момент, без сомнения, о страшном биче, превратилась сейчас же в страх.. Чувствуя, что наказание было бы заслуженным, она, пытаясь уничтожить следы кровавого дела, принялась в нервном возбуждении метаться по комнатам, ломая мебель, разбрасывая постельные принадлежности по всему полу. Наконец, обезьяна схватила тело девушки и затиснула его в трубу, где оно и было потом найдено. Затем она подняла тело старой дамы и выбросила его в окошко.

Когда обезьяна со своим кровавым грузом в руках приблизилась к окну, матрос в ужасе скользнул вниз по громоотводу и помчался домой, не заботясь более о судьбе обезьяны, из страха последствий кровавого дела. Слова, слышанные обществом на лестнице были восклицания ужаса и страха со стороны матроса, перемешанные с дьявольским криком животного.

Остается еще немного добавить. Оранг-утанг улизнул по громоотводу, вероятно как раз в тот момент, когда взломали двери. Окно он, должно быть, захлопнул за собой. Между прочим, его в конце концов поймал его же владелец в Жардон де Плант и продал за очень высокую сумму. Лебона сейчас же выпустили, как только

мы появились в комнате префекта полиции и все рассказали. Хотя этот полицейский чиновник и хорошо относился к моему другу, но он все же не мог скрыть своего раздражения по поводу того, как все обернулось и сделал ряд замечаний о праве каждого человека самому заботиться о своих делах.

— Пусть он говорит—сказал Дюпон, не считавший нужным ему что-либо отвечать.

— Пусть облегчит душу. Я рад, что смог побить его в его же области. В общем тот факт, что он не нашел решения загадки совсем не так удивителен, как он думает, потому что, откровенно говоря, наш друг префект слишком хитрый для того, чтобы быть вдумчивым. В остальном, он хороший парень.

Эдгар По

Украденное письмо

В один из темных бурных осенних вечеров 18.... года я сидел в Париже вместе со своим другом Огюстом Дюпоном в его квартире на ул. Дюно 33 в Фобург Сан Жермен и предавался, покуривая трубку, мечтаниям в уютной библиотеке. Целый час провели мы таким образом в глубоком молчании, и случайный наблюдатель, вероятно, подумал бы, что мы занимаемся только тем, что больше и больше наполняем комнату густыми клубами табачного дыма. На самом же деле я был погружен в воспоминания об одном разговоре, касавшемся уже полузабытого убийства в ул. Морг. Поэтому я подумал, что это довольно странное совпадение, когда вдруг дверь в нашу комнату отворилась и вошел хороший наш знакомый господин Г., префект полиции Парижа. Мы сердечно приветствовали его., т. к. несмотря на свои мелкие недостатки, он был занимательным человеком, а мы не видели его уже в течение нескольких лет. Дюпон поднялся было, чтобы зажечь лампу, т. к. мы до сих пор сидели в темноте, оставил, однако, это намерение, т, к. Г. сказал, что он пришел, чтобы поговорить с ним об одном оффициальном деле, доставившем ему много хлопот; он хотел спросить моего друга совета или, вернее, что он об этом думает.

— Если над этим нужно подумать,—заметил Дюпон, снова усаживаясь,—то лучше поговорим в темноте.

— Это опять одна из ваших запутанных идей,—сказал префект, называвший «запутанным“ все, что выходило за пределы его понимания, так что он иногда вращался среди целых облаков „запутанных“ дел.

— Ну, конечно,—ответил Дюпон, предлагая своему посетителю трубку и пододвигая ему удобное кресло.

— Ну что же это за трудное дело?—спросил я.

— Надеюсь, не убийство снова.

— О, нет, ничего похожего. Собственно говоря, все дело очень просто, и я не сомневаюсь, что в конце концов, хорошо справился бы с ним одним. Но знаете, Дюпон, я думал, что вас будут интересовать подробности, кроме того все чрезвычайно запутано.

— Просто и запутано,—заметил Дюпон.

— Ну, да, т. е. не совсем так. В этом-то как-раз и загадка, что все так просто и в то же время мы все время остаемся в дураках.

— Может быть, вас как раз и вводит в заблуждение несложность всего дела,—сказал мой друг.

— Как можете вы говорить такую ерунду,—ответил префект, искренно смеясь.

— Может быть, задача слишком легка?—сказал Дюпон.

— Но, Боже, слышал ли кто-нибудь подобную чепуху?

— Может быть, решение слишком ясно?

— Ха, ха, ха,—засмеялся наш посетитель, крайне развеселившись. О, Дюпон, вы меня убьете.

— Ну, так в чем же дело, наконец?—спросил я.

— Хорошо, я вам расскажу,—ответил префект, выпуская из своего рта облака дыма и удобнее усаживаясь в кресле. Я расскажу вам вкратце. Но сначала я должен вас просить держать все дело в глубоком секрете, т. к. я, вероятно, потеряю свое место, если станет известно, что я кому-нибудь об этом рассказал.

— Начинайте,—сказал я.

— Или не рассказывайте совсем,—сказал Дюпон.

— Ну, хорошо. Мне лично было сообщено из одной очень высокой инстанции, что некая бумага очень важного значения была похищена из королевского замка. Вор известен. Относительно его личности не может быть никакого сомнения, т. к. видели, как он брал письмо. Так же известно, что оно все еще находится в его владении.

— Откуда это известно?—спросил Дюпон.

— Это ясно из характера письма,—ответил префект и потому, что события, которые бы возникли, если бы вор отдал письмо в другие руки, т. е. употребил бы его с той целью, с какой оно может быть употреблено, не имели места.

— Пожалуйста, говорите яснее,—сказал я.

— Ну, я пожалуй, могу рискнуть сказать вам, что эта бумага, дает ее обладателю известную власть в некотором отношении, где эта власть имеет бесконечную ценность.

Префект совсем запутался в дипломатических выражениях.

— Я вас все еще не совсем понимаю,—сказал Дюпон.

— Право нет? Ну, передача документа в другие руки задела бы очень чувствительно честь одной очень высокопоставленной особы. Этот факт дает обладателю документа возможность влиять на высокопоставленную особу, честь и доброе имя которой поставлены на карту.

— Но это влияние,—заметил я, может быть, только в том случае, если вор узнает, что этой особе известно, кто является вором. А кто же на это решится?

— Вор,—сказал Г.—министр Д., который может решиться на все, честно это или не честно. Способ, каким образом он совершил кражу своеобразен и смел. Пострадавшая особа получила письмо, когда она находилась одна в королевском будуаре. Чтение письма было прервано появлением другой высокопоставленной особы, от которой она хотела его как раз скрыть. Напрасно ища в спешке места, куда бы она могла его спрятать, она в конце концов, положила его прямо на стол. Письмо было повернуто адресом вверх, и написанным вниз, на него никто не обратил внимания. В это время вошел министр. Д. Своими зоркими глазами он немедленно заметил письмо, узнал почерк, которым был написан адрес, и. т. д. ему бросилась в глаза смущение особы, которой письмо было адресовано, он мог подозревать тайну. После нескольких деловых сообщений, сделанных им, по его манере, очень торопливо, он вытащил из кармана свое письмо, очень похожее по внешнему виду на то, которое лежало на столе. Он вскрыл его, сделал вид, что читает, а потом положил рядом с уже лежавшим письмом. Затем он еще в

течение четверти часа говорил об общественных делах, после чего, уходя забрал со стола вместе со своими бумагами и письмо, ему не принадлежавшее. Владелица письма видела это, конечно, но в присутствии другой высокой особы, о которой я уже говорил, не решалось даже показать вида. Министр ушел, оставив свое собственное, не имеющее никакого значения письмо на столе.

— Вот видите, сказал мне Дюпон,—вор знает, что пострадавшей известно, кто ее обокрал.

— Да,—ответил префект,—и полученное им таким образом влияние он использует в политических целях, что становится уже опасно. Пострадавшее лицо с каждым днем все более убеждается, что совершенно необходимо достать письмо обратно. Но, конечно, это не может быть сделано открыто. Наконец, она, в своем отчаянии передала дело в мои руки.

— И более удачного выбора она и не могла сделать,—сказал Дюпон, скрываясь в целых облаках табачного дыма.

— Вы мне льстите,—ответил префект,—однако, возможно, что обо мне так думают.

— Мне кажется, ясно,—сказал я,—что письмо находится в руках министра, т. к. сила его лежит в обладании этим письмом, а не в его опубликовании. Вместе с опубликованием кончается и его власть.

— Конечно,—сказал Г,—из этого мы и исходили. Первой моей заботой было тщательно обыскать весь дом министра, мне было это, конечно, очень трудно, т. к. я должен был сделать это так, чтобы он не знал. Меня особенно предупреждали, что он не должен ничего знать о наших намерениях.

— Но,—сказал я,—в таких вещах вы же очень искусны. Парижская полиция часто совершала уже нечто подобное.

— Да, и поэтому я и не отчаивался. Привычки министра были для нас очень удобны. Он часто проводит ночи вне дома, прислуга же его не многочисленна. Комнаты, где спят люди, удалены от комнат министра, кроме того, вся его прислуга—неаполитанцы и их легко напоить. У меня есть ключи, вы знаете, которыми можно открыть любую комнату, любой шкап. А последние три месяца не прошло ночи, когда бы я сам лично не занимался поисками в доме Д. Моя честь поставлена на карту, да и, признаться, дело идет о громадном вознаграждении. Поэтому я не прекратил поисков, пока совершенно не убедился, что вор находчивее меня. Я думаю, что я не оставил в доме ни одного угла, куда могло бы быть запрятано письмо.

— Но разве не может быть,—заметил я,—что министр, если письмо, как я не сомневаюсь все еще в его руках, держит его в каком-нибудь другом месте, а не у себя дома?

— Это вряд ли возможно,—сказал Дюпон, при теперешнем своеобразном положении при дворе и интригах, в которых, как известно, замешан Д., он должен дорожить возможностью в любое время показать письмо не менее, чем самим обладанием письма.

— Возможностью показать его?—спросил я.

— Да, или уничтожить,—ответил Дюпон.

— Вы правы,—сказал я. Поэтому письмо должно находиться в квартире. Предположения, что он носит его при себе, мы можем поэтому не рассматривать.

— Нет,—ответил префект,—на него два раза нападали, якобы

уличные грабители и под моим руководством его тщательно обыскивали.

— Этой работы вы могли бы и не делать,—сказал Дюпон. Д. не дурак и заранее подумал об «уличных грабителях».

— Д. не совсем дурак,—ответил Г., но он поэт, а стало быть, недалеко ушел от этого.

— Конечно,—ответил Дюпон,—хотя я и сам автор нескольких стихотворений.

— Может быть,—сказал я,—вы расскажите нам подробности ваших розысков?

— Мы не жалели времени и искали всюду. У меня большой опыт в подобных вещах. Я брал комнату за комнатой и посвящал каждой все ночи целой недели. Сначала мы осматривали в каждой комнате мебель. Мы открывали ящики, и я могу вас уверить, что для опытного глаза полицейского не существует того, что называют потайным ящиком. Мы точно измеряем объем шкапа и потому от нас не может укрыться потайной ящик. Потом мы занялись креслами, мы протыкали их тонкими иглами, я их вам показывал. Со столов мы снимали доски.

— Зачем?

— Лица, желающие что-либо спрятать, часто удаляют доски стола или стула, пробуравливают ножки и прячут туда, после чего снова водворяют доски на место. Мы так же осмотрели спинки и ножки кровати.

— Но ведь пустое место можно обнаружить постукиванием,— сказал я.

— Нет, если запрятанный предмет завернут в шерсть. Кроме того, мы должны были избегать всякого шума.

— Но вы же не могли разобрать всю мебель.

— Письмо такой маленький предмет, что если его хорошо свернуть, он будет не толще вязальной спицы, мало ли в какое углублении, сделанном в мебели можно его спрятать. Вы же не могли разобрать все на части?

— Конечно, нет. Но мы сделали кое-что получше. Мы осмотрели все части мебели и особенно все места соединения, при помощи очень сильной лупы. От нас не укрылся бы малейший след недавней работы, мы заметили бы хоть одну пылинку опилок, или же свежий клей.

— Вы, конечно исследовали зеркала, матрацы, подушки и занавеси.

— Само собой разумеется. После всего этого мы исследовали самый дом. Мы разделили всю поверхность на квадраты и пронумеровали их, чтобы не пропустить ничего. С помощью сильной лупы, мы исследовали, пол, потолок и стены дома, а также стены двух прилегающих домов.

— Двух прилегающих домов?—воскликнул я. Но это же была ужасная работа.

— Да, но и назначенное вознаграждение достаточно велико.

— Осматривали вы землю вокруг дома?

— Да, она кругом замощена, мы исследовали мох между камнями и нашли его нетронутым.

— Вы, конечно искали среди бумаг Д. и среди книг его библиотеки?

— Конечно, мы развязали все пакеты. Мы не только потрясли книги, как это делают некоторые полицейские чиновники, но мы

тщательно перелистали каждую из них. Мы исследовали также и корешки всех книг.

— Пол под коврами вы тоже осматривали?

— Без сомнения.

— Также и обои на стенах?

— Да.

— Вы искали в подвале?

— Конечно.

— Тогда,—сказал я,—ваше предположение неверно, и письма в квартире нет.

— Я боюсь, что вы правы,—ответил префект. Что вы мне посоветуете, Дюпон?

— Поищите еще раз тщательно в квартире.

— Но это совершенно бесполезно—ответил Г.

— Письма нет в квартире, это так же верно, как то, что я сейчас сижу у вас.

— Другого совета я не могу вам дать,—ответил Дюпон.—У вас есть точное описание письма?

— О, да.

— Префект вытащил из кармана свою записную книжечку, там было точное описание внешности письма и его содержания.

Вскоре после этого префект покинул нас в таком подавленном состоянии духа, в каком я его еще никогда не видел.

Спустя приблизительно месяц он, снова посетил нас, и застал нас за тем же занятием, что и в первый раз. Я взял трубку, сел в кресло и начал незначительный разговор. Я, наконец, сказал:

— Между прочим, Г., как обстоит дело с украденным письмом? Я думаю, вы теперь убедились, что министра нельзя перехитрить.

— Чорт побери,—это в самом деле так. Я еще раз обыскал дом, как это советовал Дюпон, но это был, конечно, напрасный труд.

— Как велико, говорили вы, было назначено вознаграждение? —спросил Дюпон.

— Ну, это очень высокое, очень приличное награждение. Я не хочу точно называть суммы, но одно я могу сказать, тому, кто принес бы мне письмо, я лично выписал бы письмо на пятьдесят тысяч франков. Дело становится с каждым днем все важнее, и недавно награда была удвоена. Но если б даже ее увеличили в три раза, я ничего не могу больше сделать.

— Вот как?—сказал Дюпон, выпуская из своей трубки облако дыма. Я, в самом деле думаю, Г., что вы не приложили всех возможных стараний. Может быть вы еще кое-что можете сделать.

— Как, каким образом?

— Ну, вы можете спросить совета. Помните, я вам рассказал историю про Абернети?

— Ах, что мне за дело до Абернети?

— Конечно, никакого, а, может быть, все-таки.. Знаете, однажды, один скупец хотел попросить у этого Абернети медицинского совета. Он поэтому представил врачу все в виде теоретического случая: „Представьте себе,—сказал скупец,—дело идет о таких-то и таких-то симптомах, что бы вы, доктор, посоветовали такому больному?» „Я посоветовал бы ему позвать врача», ответил Абернети.

— Ну, да,—ответил префект немного смущенно,—я готов заплатить за совет. Я в самом деле, готов выплатить 50 тысяч франков тому, кто мне поможет в этом деле.

— В этом случае,—ответил Дюпон, подавая ему чековый бланк —вы можете написать мне чек на 50 тысяч франков; когда вы его подпишете, я дам вам письмо.

Я был удивлен. Префекта, казалось, поразила молния. Несколько минут он сидел неподвижно и безмолвно уставившись на моего друга, глаза его готовы были выскочить из орбит. Затем, немного отдышавшись, он схватил перо, написал чек, причем время от времени он прерывал свое занятие, и снова с изумлением рассматривал Дюпона, после чего он через стол подал чек моему другу.

Последний внимательно проверил его, затем открыл ящик письменного стола и, вынув оттуда письмо, подал его префекту. Чиновник схватил его с бешеной радостью, открыл дрожащими руками и ознакомился с содержанием. Затем он бросился к двери и выбежал вон. С того момента, как Дюпон предложил ему подписать чек, он не произнес не слова.

Когда префект вышел, мой друг начал свои разъяснения:

— Парижская полиция,—сказал он,—в своем роде очень ловка. У нее есть терпение, сообразительность и хитрость. Она хорошо знает свое дело· Как только Г. описал мне, как он осматривал дом министра, я возымел к его работе полное доверие.

— К его работе?—спросил я.

— Ну, да—сказал он,—его мероприятия были лучшими в своем роде и проведены в жизнь в совершенстве. Если бы письмо находилось в районе поисков, он бы его обязательно нашел.

Я расхохотался, он, Дюпон, оставался совершенно серьезным, говоря это.

— Итак, продолжал он,—его мероприятия и их проведение в жизнь были безукоризненны. Неправильно было то, что они не подходили к такому человеку, как министр. Г. совершенно не хватает способности вдуматься в психологию и ход мыслей другого.

— А это способность,—сказал я,—зависит, если я правильно понимаю, от точной оценки духовных наклонностей другого.

— Что касается до ее практического значения,—ответил Дюпон,—то оно совершенно от этого зависит. Префект и его помощники так часто ошибаются потому, что они неправильно оценивают или совсем не оценивают степени интеллектуальности того, с кем они имеют дело. Они меряют на свой аршин, а если они ищут что-либо спрятанное, то ищут его там, где они сами, в случае необходимости, его спрятали. Так как духовные способности находятся приблизительно на уровне массы, то они большей частью имеют успех. Однако же, они каждый день попадают в просак, если умственные способности того или иного преступника выше их собственных, часто это случается и в том случае, если умственные задатки преступника ниже, чем у них. Они не могут варьировать своих методов и, в крайнем случае, если дело идет об очень высоком вознаграждении, они могут проявить только колоссальное усердие. Так и в деле с министром Д. Они работали по своей прежней схеме и обязательно нашли бы письмо, если б министр был человек их типа. На самом же деле префект сбил сам себя, поставив министра дураком, т. к. он считается поэтом. Все дураки—поэты, это чувствовал префект, но сделал отсюда неправильное обратное заключение, что все поэты—дураки. Я же знал, что министр, кроме того придворный и хитрый интриган и, конечно, уже подумал и об обысках и о нападениях на улице.

Как раз то, что министра часто не было дома показывалось мне подозрительным. Он просто хотел заманить префекта к себе и заставить его поскорее убедиться, что письма в квартире нет. Все, о чем подумала полиция, предусмотрел и министр. Он знал, что от ее глаз не укроется никакое сокровенное местечко. Я понял, что он, поэтому придумал простое, самое простое из того, что можно было придумать. Помните, как префект смеялся, в свое первое посещение, когда я ему сказал, что, может быть, ему не решить задачи, т. к. решение слишком просто.

— Как же,—сказал я,—помню. Он чуть не задохнулся от смеха

— Ну, вот видите,—продолжал Дюпон,—префекту бы никогда не пришло в голову, что письмо лежало у него под носом. Я же, принимая во внимание острое соображение Д. и необходимость для него иметь письмо всегда под рукой, пришел к убеждению, что министр нашел самое простое решение: вовсе не прятать письма.

Придя к этому убеждению, я надел зеленые очки и отправился однажды утром с визитом к Д. Министр был дома. Он бродил взад и вперед по комнате и делал вид, что скучает. На самом же деле он—энергичнейший человек нашей эпохи, только тогда, когда его никто не видит.

Я представился таким же невинным и жаловался на слабые глаза, принуждающие меня носить очки. Во время разговора я, под прикрытием очков, внимательно осматривал комнату.

Мое особое внимание привлек к себе большой письменный стол. На нем лежали беспорядочной кучей письма и другие бумаги, два музыкальных инструмента и несколько книг. Несмотря на внимательное наблюдение, я не мог открыть ничего подозрительного. Оглядывая всю комнату, я наконец заметил невзрачный картонный ящик для писем и визитных карточек, висевший над камином на грязноватой голубой ленточке. В ящичке, имеющем три или четыре отделения, лежало несколько визитных карточек, и одно единственное письмо. Оно выглядывало довольно-таки запачканным и смятым. По середине оно было почти что разорвано пополам, как будто бы его хотели выбросить, но потом раздумали. Оно было запечатано большой черной сургучной печатью с монограммой буквы Д. и адресовано самому министру, причем адрес был написан мелким женским почерком. Казалось, что оно совершенно не нужно его хозяину и было им небрежно брошено в ящичек.

Едва мой взгляд упал на это письмо, как я был уже убежден, что это есть то, что мне нужно. Конечно, внешний вид его совершенно отличался от того, что мне описывал префект. Там должна была быть красная печать с герцогской короной семьи, да и почерк был совершенно другой, только величина подходила. Но именно это отличие, его запачканный вид, и явное намерение показать его ненужность, а также то, что оно лежало так, что буквально каждому бросалось в глаза, возбудило мое подозрение. Я растянул посещение насколько мог, и заинтересовав министра разговором, сам тщательно рассматривал письмо. Я старался запомнить точно его внешний вид и его положение в ящике. При этом я открыл еще одно обстоятельство, окончательно рассеявшее мое сомнение. Я заметил, что конверт был перевернут и снова запечатан. Наконец, я попрощался с министром и ушел, оставив у него на столе свою золотую табакерку.

На следующее утро я зашел снова под предлогом забытой табакерки и снова завязал разговор на вчерашнюю тему. Во время разговора мы услышали на улице выстрел и испуганные крики. Д. подбежал к окну и взглянул. Я, между тем подошел к ящику, взял письмо и заменил его другим, представляющим собой точную копию по внешнему виду. После этого я также подошел к окну. Оказалось, что это какой-то пьяный или сумасшедший выстрелил среди густой толпы из пистолета. Пуля, однако, никому не причинила вреда, и „пьяный“ убежал. Это был, конечно, специально нанятый мною человек. Когда все успокоилось, я распрощался с Д.

— Но зачем,—спросил я,—заменили вы его письмо копией? Не было ли бы лучше, если бы вы, во время своего первого же посещения взяли бы открыто письмо и удалились?

Д.—отчаянный характер,—сказал Дюпон. Он мужествен и у него в доме есть преданные слуги. Если бы я поступил так, как вы говорите, то я вряд-ли вышел бы живым из дома, и Париж бы больше никогда ничего обо мне не слышал. Кроме того, у меня была бы политическая причина. Я выступаю на стороне этой дамы. Восемнадцать месяцев министр держал ее в своей власти. Теперь они будет продолжать так же, как и раньше и тем самым уничтожит свою политическую карьеру. Это будет сильный и неприятный провал. Но мне его не жаль, так-как, он—то, что называют «гений без морали». Я, признаюсь, хотел бы видеть его лицо, когда эта «известная особа», как говорит префект добьется его опалы, и он вскроет письмо, желая его использовать, и прочтет то, что там написано?

— Как? Вы что-нибудь там написали?

— Ну, я подумал, что неудобно оставить конверт пустым, это было бы оскорблением. Д. сыграл раз со мной в Вене злую шутку, и я ему, шутя, сказал, что он еще об этом вспомнит. Я уверен, что ему будет интересно знать, кто его перехитрил и потому навел его на след. Он знает мой почерк и я написал посреди листа:

Это стих из Амре.

---

*) Какое пагубное намерение, право кто не достоин Амре, достоин Тиста.